

В 13831

Е. В. ТАРЛЕ *Тарле*

ЭКСПЕДИЦИЯ
РУССКОГО
ФЛОТА
В
АРХИПЕЛАГ
В 1769-1774 ГГ.

ВОЕНМОРИЗДАТ-1945

KOVÁCS-ISTVÁN
·K Ö N Y V E ·

B13831

Академик
Е. В. ТАРЛЕ

ЭКСПЕДИЦИЯ
РУССКОГО ФЛОТА
В АРХИПЕЛАГ
В 1769—1774 гг.

4661 123456789

0105 54321

ж

ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКВМФ СОЮЗА ССР
Москва 1945 Ленинград

188818

355.483(47:560)*1769/1774

355.48(47:160)*1769/1774

1

ЭКОНОМИКА
РАССКОЛО ФЛОТА

Редактор Н. Мазунин
Техредактор В. Элькин
Корректор М. Хазаиская

Полнено в печать 13/VI 1945 г.
ГМ 200387. П. л. 6³/₄. В 1 п. л. 32800 зн.
Уч.-изд. л. 5,27. Уч.-изд. № 649
1-я типо-антография УВМИ. Зак. 1437.

тарозва 2010

ИЗДАТЕЛЬСТВО 1945

КНИЖНИ МИНИСТЕРСТВО
КОНСУЛТАЦИЯ
Лист. №: 53521

1945

ВНИМАНИЕ! ПОСЛЕДНИЕ ИЗДАНИЯ
Москва 1945 Ленинград

Со времени первой экспедиции русского флота в Архипелаг прошло более 170 лет, но литература, посвященная этому событию, крайне скудна количественно и в большинстве случаев состоит из кратких популяризаций. Между тем имеются и изданные и неизданные материалы об этом событии, которые стоит рассмотреть пристальнее, хотя бы с точки зрения уточнения того места, которое экспедиция в Архипелаг вообще, а Чесменский бой, в частности, занимали в истории русской внешней политики во времена Екатерины II.

Прежде всего следует заметить, что к 1769 г. международная обстановка для России сложилась благоприятно и Екатерина сумела извлечь из этой обстановки максимальную выгоду.

Некоторые современники говорили, что секрет вечных успехов русской императрицы — в умении «разыгрывать» одну державу против другой. В данном случае ей удалось «разыграть» Англию против Франции и выиграть свою сложную игру.

Угрожающим врагом для России была Франция, и именно поэтому Екатерина II старалась сохранить и укрепить дружбу с Англией.

Здесь не место говорить о тех общих причинах, вызывавших в течение всего XVIII столетия упорную и активную борьбу французской дипломатии против русской экспансии. Заметим лишь, что, в частности, французские купцы и промышленники смотрели на русское продвижение к Черному морю и на всякие угрозы ту-

рецким владениям как на прямую и серьезную опасность для экономических интересов Франции.

Если взять «нормальный», мирный год между двумя русско-турецкими войнами, то французское правительство считало (в 1783 г.), что в среднем все европейские державы ведут с Турцией торговлю (как импортную, так и экспортную) на общую сумму в 110 млн. ливров в год, — из них на долю французской торговли приходится 60 млн. ливров, а на все остальные страны, вместе взятые, 50 млн.

Не только в полной гибели Турции, но даже в утрате ею тех или иных земель французы видели огромный для себя экономический вред и подрыв своего политического престижа.

Во французской историографии уже давно выяснено, что внешнюю политику королевства вели в то время две параллельно действующие силы: официальный министр герцог Шуазель и лично король Людовик XV, действовавший через своего постоянного и верного клеврета графа де Бройль.

Граф де Бройль, возглавлявший тайную дипломатию (*le secret du roi* — королевский секрет), иногда действовал в унисон с герцогом Шуазелем, а иногда перечил ему и очень путал все расчеты официальной дипломатии¹. Но в одном пункте никогда не было расхождений — в упорном стремлении на всех путях становиться поперек дороги и всячески мешать Екатерине — и в Швеции, и в Польше, и в Турции.

Еще в 1762 г. граф де Бройль заставил герцога Шуазеля назначить резидентом в Варшаву ловкого и пронырливого агента Эннена (Nennin). В Константинополе сидел другой агент «Секретной королевской дипломатии» граф де Верженн, в Швецию был отправлен граф де Бретейль, в Гаагу — д'Аврэнкур, в Петербурге действовал на скромных с внешней стороны ролях консул Россиньоль. Все они дружно и долго интриговали против политики Екатерины II, организуя, снабжая деньгами и оружием польских конфедератов в Баре, подкупая направо

¹ Ценнейшие документы об этой тайной дипломатии, взятые из семейного архива графов де Бройль, см. в книге de Broglie «Le secret du roi», t. I-II. Paris, 1879.

и налево турецких сановников, подстрекая шведского короля к враждебным выступлениям против России.

Начиная примерно с 1767 г., министр иностранных дел герцог Шуазель выступил уже совершенно открыто в качестве инициатора коалиционного нападения на Россию. Он послал генерала Дюмурье с целым штабом офицеров и с оружием на помощь Барской конфедерации и очень усилил нажим на Турцию.

Прежде всего «важно было иметь возможность бросить на тылы России не только Порту, но вместе с тем и прибрежные государства по Дунаю и Черному морю, в то время как скандинавские государства будут удерживать русских на севере», — так формулировал общую цель французской политики в конце 60-х годов XVIII века панегирист этой политики Анри Дониоль¹.

Французские агенты всегда гордились тем, что им столь ловко удалось подстрекнуть турок начать агрессивную войну против России в 1768 г. Действовавший в Польше Эннен восторгался Верженном, интриговавшим против России в Константинополе. «Доверие Дивана, — писал он, — не изменилось, и Верженн, когда ему было дано разрешение ввести турок в игру (*mettre les turcs en jeu*), в войну, для которой подали повод польские дела, — выполнил полученные им приказы, не компрометируя себя, не беря на себя ручательства за события, которые оказались такими, как он их предвидел»².

Другими словами, французская дипломатия толкала турок на войну против России, предвидя с самого начала, что для Турции ничего хорошего из этого не выйдет; важно было лишь помочь каким угодно способом Польше. Но и это тоже не удалось.

Итак, турки были «введены в игру».

Не только сама Екатерина, но даже враждебные России государства признавали, что бесспорно в 1768 г. Турция мало того, что формально первая объявила войну и напала на Россию, но и на самом деле всячески

¹ H. D o n i o l. *Politiques d'autrefois: Le comte de Vergennes et P. M. Hennin, 1749—1787.* Paris, 1898, p. 22—23.

² Найденная рукопись Эннена о Верженне опубликована впервые в цитированной выше книге Дониоля.

провоцировала эту войну и решительно стремилась к открытию военных действий. А французский министр герцог Шуазель, не стесняясь, хвалился тем, что ловко подстрекнул турок к началу военных действий. Французы действовали совершенно открыто, так же, как польские конфедераты, ведшие в тот момент войну против России. Пруссия и Австрия, также содействуя по мере сил скорейшему нападению турок на Россию, действовали более скрытно. В общем же турок обнадеживали со всех сторон, хотя субсидий на войну турки в сколько-нибудь стоящем упоминания размере не получили, но зато великий визирь и рейс-эффенди (министр иностранных дел) были осыпаны подарками со стороны версальского двора. Перепадало им и от польских конфедератов. Правда, шедшие оттуда деньги к большому прискорбию константинопольских сановников в значительном проценте застревали по дороге в кармане передатчиков.

25 ноября 1768 г. русского посла Алексея Михайловича Обрезкова с главным персоналом посольства (11 человек) позвали к великому визирю и тут Обрезкову был объявлен ультиматум: Россия должна немедленно вывести свои войска из Польши и обязаться не вмешиваться в польские дела, т. е. в борьбу за уравнивание прав православных (диссидентов) с католиками. Мотивировалось это требование тем, что русско-польская война, происходящая на границах турецкой империи, привела к разграблению казаками пограничных турецких городов Балты и Дубоссар.

Обрезков отказался наотрез. Тогда он со всеми товарищами был немедленно арестован и заключен в подземелье башни Едикуль в Семибашенном замке. Все это было подстроено, чтобы сразу же сделать невозможным мирный исход.

Началась война, которой, однако, суждено было окончиться совсем не так, как надеялись Османская Порта и ее друзья.

Екатерина уже очень скоро после начала военных действий ухватилась за мысль, поданную первоначально, повидимому, Алексеем Орловым и поддержанную Григорием Григорьевичем, его братом. Эта мысль за-

ключалась в том, чтобы напасть на Турцию с моря и с суши — на юге Османской империи и этим облегчить операции П. А. Румянцева на севере, т. е. в Молдавии и Валахии.

Наметился и план ближайших действий: возбуждение восстания среди христианских народов на Балканском полуострове, в первую очередь среди греков (в Морее) и среди черногорцев, и посылка для поддержки этого восстания и для действий против турецкого флота русских военных эскадр в Архипелаг.

Перед посылкой экспедиции в Архипелаг отношения между Шуазелем и Екатериной обострились до неслыханной степени: Достаточно вспомнить о внезапном воспреещении Шуазелем ввоза екатерининского «Наказа» во Францию. Проявления вражды были настолько явными, что можно было опасаться внезапных нападений со стороны французского и испанского флотов на эскадры Спиридова, Эльфинстона и Арфа, последовательно выходившие из Кронштадта и направлявшиеся в Архипелаг.

Французы знали от своего деятельного и очень осведомленного агента в Турции барона Тотта, что турецкие корабли во многом хороши, но у них есть также тяжелые изъяны: неповоротливость, плохая, устаревшая артиллерия, неустойчивость из-за слишком высоких бортов и пр. Во всех этих бедах французы (и прежде всего сам же барон Тотт и постоянно приезжавшие в Турцию французские офицеры и инженеры) старались по мере сил помочь туркам. Но изменить безобразные порядки, царившие в турецком флоте, французы не могли. Впоследствии некоторые из них признавались, что им не удалось в борьбе против России два дела: научить поляков военной дисциплине и убедить турок, что на военном корабле должен командовать не тот, кто больше уплатит капитану-паше и его клевретам за получение этой должности, а тот, кто более достоин ее.

Шуазель из всех сил стремился воспрепятствовать проходу русского флота из Балтийского моря в Средиземное, но он не смог этого сделать. Во-первых, мешали ему англичане, во-вторых, затевать новую большую войну не позволяли финансы.

Екатерина II это учла и решила организовать труднейшую и опаснейшую экспедицию в Архипелаг. Когда уже все было кончено и турецкий флот покоился на дне Чесменской бухты, между русским послом в Париже Хотинским и новым французским министром иностранных дел герцогом д'Эгильоном произошел (в апреле 1772 г.) необыкновенно интересный разговор. «В самом деле, господин герцог, — сказал Хотинский, — вам бы следовало оказать услугу туркам, нам и всему человечеству, убедив Порту быть более склонной к примирению». В ответ на это герцог д'Эгильон, дилетант и придворный человек, разоткровенничался совсем не дипломатически. «Как вы хотите, чтобы подали (Турции. — *Е. Т.*) такой совет, когда ведь мы сами подтолкнули турок начать войну? Впрочем, наш кредит не очень большой. Мы сделали глупость, допустив проход вашего флота»¹. Спустя некоторое время герцог д'Эгильон еще более откровенно и точно объяснил, почему Франция и впредь будет бороться против России на востоке: «Европейское равновесие легко могло бы быть нарушено, если бы вам (русским. — *Е. Т.*) удалось предписать (*prescrire*) туркам мир на следующих трех условиях: свободное плавание по Черному морю, порт на Черном море и независимость татар. Обеспечив за собой такие преимущества, вы скоро очутитесь в Константинополе, и кто мог бы вас оттуда удалить (*déloger*)?»².

Позиция английского правительства в этот период имела для планов Екатерины первостепенное значение. Даже если бы Англия осталась просто на позиции враждебного нейтралитета, императрица и Алексей Орлов должны были бы признать полную неосуществимость экспедиции в Архипелаг, потому что союзники турок — французы — ни за что не пропустили бы русский флот.

Французское правительство носилось в 1769—1770 гг. с мыслью выслать большой флот в восточную часть Средиземного моря и потопить русскую эскадру. Испа-

¹ Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, т. XIII, СПб., 1902, стр. 137.

² Там же, стр. 138.

ния согласна была в этом предприятии помогать своей союзнице — Франции.

Но Англия решительно этому воспротивилась. Из двух зол британский кабинет предпочел меньшее. Франция, с её реваншистскими намерениями относительно обратного отвоевания Канады, с её тенденциями воскресить в Индии агрессивную антибританскую политику Дюплэ, — казалась англичанам в этом момент опаснее, чем Россия. Да и левантийская торговля была гораздо больше в руках французов, чем в руках англичан. При этом русские вовсе не были торговыми конкурентами Англии ни в Турции, ни в Европе и нигде вообще, а напротив, очень выгодными для англичан поставщиками превосходного корабельного леса, пеньки, льняной пряжи, смолы и других видов сырья. Французы же, в частности марсельцы, сбывали в Турцию и все подвластные ей страны при помощи своего громадного торгового флота многие из тех именно товаров, которые хотела бы там сбывать Англия. Таким образом Екатерина II имела все основания рассчитывать на Англию.

Но помимо общих соображений, связанных с постоянными противоречиями между Англией и Францией, британский кабинет имел в тот момент еще одно особое основание, по которому даже желательно было появление русской эскадры на востоке Средиземного моря.

Англичане стремились всегда и особенно во второй половине XVIII века создать себе, кроме морского пути в Индию мимо мыса Доброй Надежды, еще и комбинированный сухопутно-морской путь по Средиземному морю, Нилу, затем сухим путем от Каира к Суэцу и от Суэца морем в Индию. А между тем об устройстве для французской торговли этого самого пути сильно думали и французы. Овладение Египтом, номинально принадлежавшим Турции, — вот к чему уже тогда стремилась французская дипломатия. У французов даже создалась оригинальная теория: в благодарность за то, что Франция всячески мешает русским завоеваниям за счет Оттоманской империи, турки должны уступить французам Египет. «Разве было бы удивительно, если бы Порта согласилась, в знак признательности, уступить нам страну, уже отделенную от империи (Оттоманской.—*Е. Т.*),

или по крайней мере дать нам право свободного плаванья по Красному морю», — писал анонимный автор «*Considérations politiques*» в 1783 г.¹

Если мы примем все это во внимание, то поймем без всякого труда, почему Англия была прямо заинтересована в том, чтобы русский флот, появившись в восточной части Средиземного моря, отвлек и французов и турок от Египта к Морее, от интересов, связанных с Египтом, к заботам о сохранении Архипелага и Балканского полуострова за Портой.

Английское правительство прибегло не только к демонстративным передвижениям своего флота на путях следования русского флота, но и заявило как в Париже, так и в Мадриде, что «отказ в разрешении русским войти в Средиземное море будет рассматриваться как враждебный акт, направленный против Англии»².

Могучую поддержку «руссофильской» политики оказал Вильям Питт Старший (граф Чэтем). Он очень долго носился с планом образования союза из России, Пруссии и Англии, направленного против франко-испанского соглашения. С легкой руки С. М. Соловьева в русской историографии и даже в учебной литературе укрепилось совершенно ошибочное представление, будто «северная система» родилась в голове русского посланника в Копенгагене барона Корфа, а затем эта система «понравилась Панину», и он «усыновил себе» ее по смерти Корфа³. Словом, выходит так, что Россия выдвинула проект такого союза. Это повторяет с прямой ссылкой на Соловьева и Н. Д. Чечулин в своей диссертации «Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II». Правда, Чечулин оговаривается: «Мысль о необходимости обезопасить себя союзами ввиду возможности агрессивных предприятий трех католических держав, связанных между собой договорами... вовсе не есть увлечение или фантазия, какой поддался

¹ L. Pingaud, Choiseul Gouffier. Paris, 1887, p. 117.

² Эти уточнения дал очень осведомленный английский консул, долго служивший в Турции, Вильямс Итон: См. *Tableau historique, politique et moderne de l'Empire Ottoman*, t. II, Paris, 1808, p. 116.

³ С. Соловьев. История России, кн. XXVI, стр. 88 (третье издание).

только Панин, эта же мысль возникала и в Англии, и в Пруссии»¹. Но эта оговорка Чечулина именно и доказывает, что он стоит всё же на ложном пути в анализе вопроса о «северной системе». Вопрос о союзе Англии, России и Пруссии не только не был «увлечением или фантазией Панина», но вовсе не Панин был тут и инициатором. Эта мысль впервые появилась в Англии и возникла она еще до того, как окончилась Семилетняя война и как только Шуазель стал усиленно работать над привлечением Австрии к соглашению обоих бургонских дворов — Франции и Испании.

Граф Чэтем начал пропагандировать план северного союза еще задолго до воцарения Екатерины. Его огромное влияние не только в Англии, но и во всей Европе было направлено именно на создание этого союза, который мог бы подорвать значение версальского двора. При этом Дания непременно должна была рано или поздно примкнуть к союзу трех великих держав. При своём положении на континенте и особенно при обладании береговой полосой у Скагеррака и Каттегата Дания должна была играть существеннейшую роль прямой морской связи между Англией, Пруссией и Россией при всяком предприятии этих стран против Швеции, где влияние Франции было так сильно. Что же мудреного, если именно в Дании агитация графа Чэтема и сторонников его программы должна была сказываться особенно сильно и иметь много приверженцев? Союз с Англией, Пруссией и Россией, если бы они приняли в свою среду Данию, мог бы принести маленькой державе очень значительные выгоды, обеспечивая её от всегда почти враждебных ей ганзейских городов и от Швеции. Немудрено, что эта английская мысль чрезвычайно быстро привилась в Копенгагене и там же проникла в голову барона Корфа, который и переправил эту идею в Петербург в качестве собственного открытия: «нельзя ли на севере составить знатный и сильный союз держав против Бургонского союза?». Мы видим, что даже и формулировка у него не русская, а английская: «Бур-

¹ Н. Чечулин. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1899, стр. 181.

бонский союз». Панин действительно ухватился за эту комбинацию. Но полной реализации этой мысли об англо-русском общем соглашении не произошло именно потому, что в России ухватился за нее больше всего только Никита Иванович Панин, а императрица разглядела в этом «знатном союзе» одновременно с Англией и с Пруссией нечто такое, что сулило России в будущем весьма «знатные» неприятности и опасности.

В самом деле, чего желали граф Чэтем и его парламентские друзья? О чём хлопотал находившийся под влиянием Чэтема британский кабинет, особенно лорд Сэндвич, статс-секретарь иностранных дел? Чего домогался лорд Бокингэм, английский посол в Петербурге? И в первые годы царствования Екатерины и дальше, в течение всей первой турецкой войны 1768—1774 гг. руководители английской политики стремились к одной главной цели, сравнительно с которой все прочие их домогательства являлись второстепенными. Им было нужно втравить поскорее Россию в войну с Францией. За это они даже готовы были подарить России остров Минорку с захваченным ими Порт-Магоном¹, чтобы дать русскому флоту нужную стоянку на Средиземном море, выманить в это море на постоянное пребывание русский флот и вообще обеспечить прочно и надолго дипломатическую и военную помощь англичанам со стороны Екатерины уже не только против Франции, с которой Екатерина ссорилась из-за польских и турецких дел, но и против Испании, с которой Россия никогда не ссорилась и не имела ни малейших мотивов к ссоре.

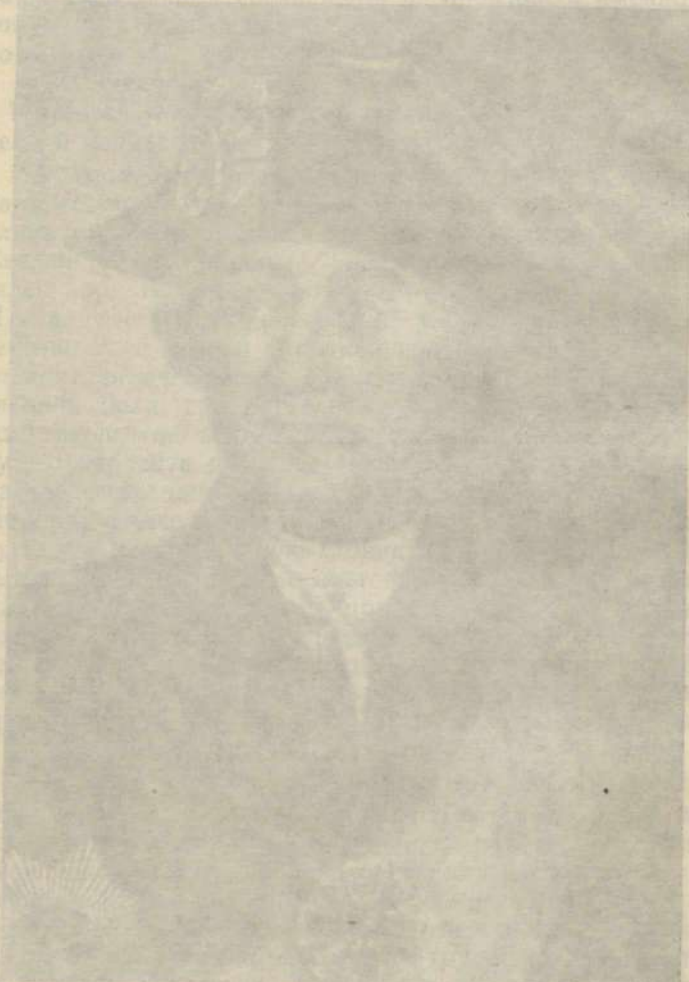
Эта установка британской дипломатии сразу же стала ясна императрице, и посол Бокингэм очень скоро учуял, что «величавая, любезная, умная светская дама» (как её именовали англичане в дипломатической переписке, когда не хотели назвать по имени) поворачивает, куда ей нужно, важного, сановитого, принципиального, тугого графа Панина без всякого труда и притом с такой быстротой, что нельзя угнаться и во-время обернуться;

¹ О прямых официальных свидетельствах по этому делу посла Гарриса и др. я подробно говорю в подготовляемой к печати моей книге «Внешняя политика России при Екатерине II».

А. Г. Орлов

большой силой. Павел действительно ухватился за эту
идею. Но полной реализации этой мысли об этом
до конца не удалось достигнуть из-за различных
причин.

А. Е. Орлов

После этого Павел действительно ухватился за эту
идею. Но полной реализации этой мысли об этом
до конца не удалось достигнуть из-за различных
причин.

и уже преемник Бокингэма, новый посол Джордж Маркартни, представивший свои аккредитивные грамоты Екатерине в октябре 1764 г., нашел к полному своему удовольствию, что эта «светская дама» более «умна», чем «любезна», когда разговаривает о политических делах.

Но всё-таки вплоть до конца турецкой войны 1768—1774 гг. Екатерина держала себя так, чтобы не лишать британский кабинет надежд на будущее использование «северной системы» в английских, а не только в русских интересах. Слишком для нее драгоценна была в эти критические годы английская помощь.

2

Не очень спокойно было на душе у Екатерины при последовательной посылке эскадр Спиридова, Эльфинстона и Арфа в Архипелаг. Не говоря уже о враждебности французов, императрица не вполне твердо рассчитывала и на английское благорасположение. Ревность, «жалузия» (*la jalousie*) англичан ее тревожила. «По известной всем англичанам без изъятия жалузии ко всяким морским предприятиям других держав, нельзя, правда, ручаться, чтобы они внутренно и на нашу экспедицию без зависти взирать стали, тем больше, что противу ее будет их еще поощрять и некоторое опасение относительно к левантской их торговле...»¹. Так велено было Н. И. Панину отписать русскому послу в Лондон, чтобы тот успокоил всячески британское правительство.

Предприятие было такое сложное, хлопотливое, такое рискованное, сопряжено с такой массой непредвиденных дипломатических случайностей и военных затруднений и препятствий, что адмиралам Спиридову, Грейгу или Эльфинстону, какими бы дельными людьми в своей области они ни были, нельзя было поручать верховное руководство экспедицией.

Екатерина знала, к кому ей следует обратиться.

Из всех людей, которые помогли ей в свое время

¹ Письмо графа Панина к графу Чернышеву в Лондон. В Петергофе, 18 июля 1769. Сборник Русского исторического общества, т. LXXXVII. СПб., 1893, стр. 473—477.

совершить государственный переворот, Алексей Орлов не только сыграл наиболее решающую, капитальную роль, но и показал себя человеком, абсолютно ни перед чем не останавливающимся. Ни политические, ни моральные, ни физические препятствия для него не существовали, и он даже не мог взять в толк, почему они существуют для других.

Вот Петр III, которого он с Екатериной низвергли с престола, уже целую неделю сидит в запертой комнате в ропшинском дворце, и императрица не знает, что же с этим опаснейшим для нее арестантом дальше делать? То есть она-то знает, но стесняется сказать. Екатерина наперед уверена, что Алексей Орлов один только поймет ее и без слов... Орлов едет в Ропшу, за обедом бросается на низвергнутого императора и душит его заблаговременно припасенным ремнем. Проходит тридцать шесть лет, уже царствует третий год Павел. Граф Орлов в разговоре с Натальей Кирилловной Загряжской всё удивляется, как «такого уroda» терпят? «А что же прикажешь с ним делать? Не задушить же его, батюшка?» — с укором замечает Загряжская. «А почему же нет, матушка?» — с искренним удивлением отвечает Алексей Григорьевич. Орлов был цареубийцей в душе, это было у него вроде дурной привычки, говорила впоследствии хорошо его знавшая Загряжская (*c'etait chez lui comme une mauvaise habitude*).

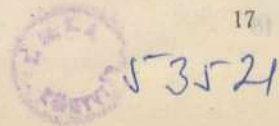
Алексей Орлов был гораздо умнее, храбрее, одареннее своего брата Григория Григорьевича, которого несколько лет любила Екатерина и за которого она собиралась даже, по слухам, выйти замуж. Императрица уважала Алексея гораздо больше, чем Григория. Она восхищалась его всегдашней и разносторонней оперативностью. И в то же время — боялась его. Об этой боязни писал в своем официальном докладе королю Людовику XV французский посол при русском дворе Сабатье-де-Кабр. О ней же говорят и другие свидетельства. Чего же могла страшиться всемогущая государыня, бывшая при этом женщиной очень неробкой? Трудно в точности ответить на этот вопрос. Но когда этот огромного роста атлет, этот русский былинный молодец Василий Буслаевич, Лихач Кудрявич входил в дворцовые чертоги,

то Екатерина делалась другой, чем до его появления. Она его боялась именно потому, что знала, до какой степени сам-то он абсолютно ничего не боится и ни перед чем не останавливается. Ненавидевшая его лично княгиня Дашкова в разговоре с гостившим у Екатерины энциклопедистом Дидро назвала Алексея Орлова «одним из величайших злодеев на земле». Это было слишком сильно сказано. Неукротимые, буйные силы жили в этом необычайном человеке, но далеко не всегда шли они на дурные дела. Отблеск чесменской славы озаряет его историческое имя. Орлов был одарен также и физической неестественной силой. До старости, уже живя в Москве отставным вельможей в великолепном дворце, он любил при случае принимать участие в кулачных боях и нередко «осаживал» при этом молодых бойцов, которым он годился даже и не в отцы, а в дедушки. Страшный рубец, пересекавший и обезобразивший все его лицо, был им получен от сабельного удара при одном отчаянном, затеянном им побоище. При дворе Орлова так и называли по этому признаку «balafre» — не переводимым по-русски словом, происходящим от «la balafre», что означает «рубец». Но не красотой пробил он себе дорогу к высшим почестям, к неслыханному богатству и не физической необъятной силой заслужил он такое положение, что в самых трудных случаях не он искал, а его искали, не он просил, а просительницей оказывалась иногда самодержавная владычица Российской империи.

И на этот раз, снаряжая экспедицию из Балтики на восток Средиземного моря, Екатерине понадобились ум, хитрость, пронырливость, изобретательность Алексея Орлова, соединенные со способностью где нужно — рискнуть, где нужно — поостеречься.

Затеваемая экспедиция уже потому не могла обойтись без Алексея Орлова, что именно Алексей Орлов с самого начала дал понять Екатерине, до какой степени может быть полезна в борьбе с Турцией помощь греков и славян и на суше и на море. И Екатерина решилась.

Уже в 1768 г., сейчас же после объявления Турцией войны России, были приняты меры к организации постоянных сношений с греческим и славянским населени-

ем Османской империи. В Молдавию и Валахию был отправлен для агитации Назар Каразин, болгарин по происхождению, в Албанию «венцианский грек» Иван Петушин, в Черногорию — Эздемирович и Белич. Все эти эмиссары оказались во многом дельными людьми. Каразину удалось поднять против турок 3000 арнаутов и 18 октября 1769 г. занять даже Бухарест. Но в январе 1769 г., называя Орлову Каразина, Екатерина, конечно, не могла предвидеть такого быстрого успеха со стороны своего эмиссара.

Рескрипт Орлову был подписан императрицей в Петербурге 29 января 1769 г. Он является как бы ответом на письма Алексея Орлова из Италии, где он тогда находился, о возможной помощи русскому делу со стороны греков и славян. Екатерина не только сообщила Орлову об уже принятых ею мерах по рассылке эмиссаров к славянам и грекам, но и подчеркнула, что именно Алексея Орлова считает наиболее пригодным человеком для верховного руководства всем этим делом. «Мы сами уже, по предложению брата вашего генерал-фельдцейхмейстера, помышляли о учинении неприятелю чувствительной диверсии со стороны Греции как на твердой ее земле, так и на островах Архипелага, а теперь, получа от вас ближайшие известия о действительной тамошних народов склонности к восстанию против Порты, и паче еще утверждаемся в сем мнении; а потому, будучи совершенно надежны в вашей к нам верности, в способности вашей и в горячем искании быть отечеству полезным сыном и гражданином, охотно соизволяем мы, по собственному вашему желанию, поручить и вверить вам приготовление, распоряжение и руководство сего подвига». Так писала императрица Алексею Орлову, еще пока не назначая его верховным начальником морской экспедиции, а только поручая ему руководство агитацией среди христианских подданных Османской Порты¹.

Хорошо зная, кому она пишет, Екатерина настаивает

¹ Рескрипт императрицы Екатерины II, данный на имя графа Алексея Орлова 29 января 1769 г. Сборник Русского исторического общества, т. I, СПб., 1867, стр. 1—13.

ла, чтобы дело повелось «тихостью», чтобы не торопиться совершать на турок нападения «малыми и рассыпанными каждого народа кучами», а подготовить общее и по возможности одновременное восстание всех этих балканских народов. Екатерина с ударением напоминает Алексею Орлову, что «восстание каждого народа порознь» не может быть полезно для нас, «ибо ни который из них сам по себе столько не силен, чтобы иное что произвести мог, кроме одного набега и, так сказать, мимоходного на оном опустошения частицы ближней земли». Она уже наперед боялась того, что, как увидим потом, и случилось в Морее, где так называемые «майноты» спустились со своих гор, разграбили селения в равнинной части Морей и скрылись затем в свои недоступные ущелья.

Екатерина предлагала Орлову войти в соответствующие сношения с Венецианской республикой, которой в награду за помощь можно посулить возвращение Морей, некогда принадлежавшей венецианцам. Но плохо надеется Екатерина на Венецию, которая слишком боялась турок и поэтому слишком уж много хитрила и «по обыкновенной ее перетоненной политике» всего и всех опасалась.

Алексей Орлов просил, чтобы Екатерина прислала ему несколько государственных грамот за печатью и собственноручной подписью, в которых императрица обещала бы «включить» все восставшие против Порты народы «в будущее замирение наше с Портой».

Екатерина тотчас же выслала Орлову требуемые документы. Одновременно императрица перевела 200 тыс. рублей в распоряжение Орлова на первые расходы.

Греки волновались, слухи о скором их освобождении от турок приводили их в восторг. Алексей Орлов совершенно убежден был, что как только русская эскадра появится у берегов Морей, тотчас же весь этот полуостров будет объят пламенем восстания. Грейг видел, что медленность в плавании эскадры может сыграть в данном случае роковую роль: «Если б можно было русскому флоту прийти несколькими месяцами ранее, пока это всеобщее воодушевление народа еще было в полной силе, турки же малочисленны и рассеяны, то весьма веро-

ятно, что вся Морея в короткое время была бы очищена от турок и осталась в полной власти греков»¹.

Екатерина, однако, с обычной своей трезвостью мышления не очень полагалась на помощь «православных народов, подвластных Турции», о которых с таким чувством писала в рескриптах. «Признаться же должно, — изъяснялась она в личном письме к Алексею Орлову, — что в то самое время множество греков, сербин и прочие единоверные авантюрьеры зачали соваться ко многим с планами, с проектами, с переговорами...» И кстати прибавляет («мимоходом дам Вам заметить»), что один из единоверных — Степан Малый «в канцелярии опекунства здесь дело имел и, обманув здесь, выманив алмазы у греческого купца и заложа оные, деньги взял и сам ускакал».

Но все это — дело второстепенное. Русская армия и русский флот — вот на что должна прежде всего рассчитывать и опираться Россия, когда она вынуждена вооруженной рукой отстаивать свои интересы. Греки, «сербины», черногорцы, придя в движение, сильно подорвали бы возможные планы и предприятия Оттоманской Порты на севере турецкой империи, т. е. в Крыму, на Кубани и на Дунае, Буге, Днестре, на границах Польши. Но диверсия на юге Турции возможна лишь путем посылки сильного русского флота в Архипелаг. И Екатерина отваживается на это дело и снаряжает экспедицию Алексея Орлова. Она знает, что руководитель иностранной коллегии Н. И. Панин, которому и вся-то турецкая война не очень нравится, никак не может одобрить этого далекого и отважного (многие даже думали — отчаянного) предприятия. Императрица просто игнорирует в этом случае Панина, как она его игнорировала и в других очень важных случаях; Никита Иванович узнает об экспедиции, когда уже все решено и даже сделаны некоторые важные приготовления.

Екатерина понимала, что, отправляя эскадры из Балтики через Скагеррак и Каттегат, Северное море, Атлантический океан, Гибралтар, Средиземное море к бе-

¹ Собственноручный журнал капитан-командора (впоследствии адмирала) С. К. Грейга в Чесменский поход. «Морской сборник», 1849, № 10, стр. 653.

регам Мореи и островам Архипелага, она идет на очень большой риск и что плыть придется мимо Англии и мимо берегов Франции. «Новость и важность предприятия нашего противу неприятеля, — писала она Орлову, — обратят конечно на себя особенное внимание всей Европы, тем более, что тут общая всех полуденных держав левантская коммерция много интересована будет»¹. Однако императрица хорошо знала, кого посылает. Умный, дерзостный, храбрый, любящий риск и ищущий риска, но вместе с тем расчетливый, не боящийся ни пули, ни ответственности, Алексей Орлов, как уже сказано, был как раз подходящим человеком для подобного головоломного задания. Екатерина хорошо знала натуру этого отважнейшего и опаснейшего человека, в котором сидел не только генерал, но и кондотьер, не только кавалер орденов Российской империи, но и бывлой новгородский ушкуйник. Императрица опасалась, что он не воздержится от злоупотребления корсарством, которое так легко сбивается на морской разбой, и она настойчиво, уже наперед запрещает Орлову выдавать грамоты на корсарство («арматорство»), если эти «арматоры» намерены будут нападать на торговые суда европейских держав или же народов христианских вероисповеданий, живущих под властью турок и числящихся турецкими подданными. Мотивы этого ограничения весьма понятны. В XVIII веке вопрос о праве воюющих правительств выдавать частным лицам (капитанам, судовым дельцам «арматорам») лицензии для узаконения нападения на торговые суда противника был одним из самых острых и горячо дебатировавшихся вопросов международного права. Екатерина не желала, чтобы Алексей Орлов, слишком щедро рассылая корсарские суда, возбуждал против России не только Англию и Францию, но и торговые круги Греции и всего Леванта. Она, напротив, стремилась всячески выступать в качестве покровительницы утесняемых турками христиан, а из всех этих христиан именно богатые греческие и леван-

¹ Рескрипт императрицы Екатерины II, данный на имя графа Алексея Григорьевича Орлова, 11 августа 1769 г. Сборник Русского исторического общества, т. I. СПб., 1867, стр. 23.

тийские купцы могли стать непосредственно наиболее полезными союзниками. Еще 4 марта 1769 г. императрица особым рескриптом дала Алексею Орлову обширнейшие полномочия и средства, которые ему, по мнению государыни, могут понадобиться для «скорого от вас на месте приласкания таких людей, кои между благочестивыми греческими и славянскими народами отличный кредит иметь могут»¹.

Хлопот было много. «Благочестивые» левантийцы и греки вели себя нередко весьма сомнительно, несмотря на все «приласкания» их. Франция и даже Англия очень усиленно против России интриговали. Правда, их усилия взаимно нейтрализовались порой тем, что друг к другу они в тот момент относились еще враждебнее, чем к России. Да и базы серьезной в Средиземном море русским добиться было не так легко. Екатерина собственноручным письмом от 6 мая 1769 г. предупреждала Алексея Орлова, чтобы он не очень полагался на Неаполь, так как «король неаполитанский бурбонского дома и по французской дудке со своим министерством пляшет, а сия дудка с российским голосом не ладит»².

3

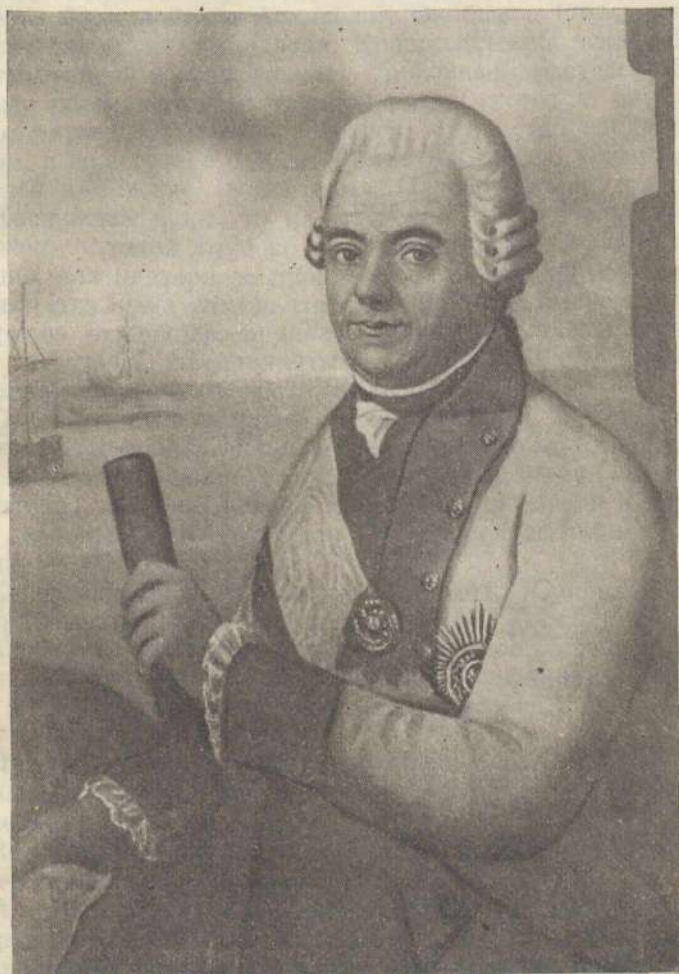
Алексей Орлов находился в Италии, в Ливорно. Поэтому командиров для эскадр, которые одна за другой были отправлены из Балтийского моря в Архипелаг, пришлось выискивать и назначать уже без главнокомандующего всем предприятием. Но, войдя в Средиземное море, все они должны были немедленно стать под его верховное командование.

Выбор командиров эскадр в общем был удачен. В особенности нужно сказать это о командире первой эскадры Спиридове и находившемся при нем Грейге.

Григорию Андреевичу Спиридову, происходившему

¹ Рескрипт императрицы Екатерины II, данный на имя графа Алексея Григорьевича Орлова, 4 марта 1769 г. Сборник Русского исторического общества, т. I, СПб., 1867, стр. 14.

² Собственноручное письмо императрицы Екатерины II к графу Алексею Григорьевичу Орлову, 6 мая 1769 г. Сборник Русского исторического общества, т. I, СПб., 1867, стр. 17.

Адмирал Г. А. Спиридов

из старинного, но обедневшего дворянского рода, было уже пятьдесят шесть лет, когда в 1768 г. императрица решила поручить ему первую эскадру из тех, которые должны были пойти в Архипелаг. Он был с 1764 г. вице-адмиралом и командовал Кронштадтской эскадрой. Этот почетный и относительно спокойный пост достался ему после долгой и трудной лямки, которую он тянул с пятнадцатилетнего возраста, когда стал гардемаринном, а еще точнее с десятилетнего возраста, когда записался в морские «волонтеры». Перебрасывали его то на Каспийское море, то на Азовское, то на Белое, то, наконец, в такой глубоко континентальный город, как Казань, для надзора за рубкой и доставкой корабельного леса для нужд адмиралтейства. В Семилетнюю войну Спиридов отличился, приняв активное участие в военных действиях, предпринятых в 1760—1761 гг. против прусской морской крепости Кольберг.

Спиридов был здоровья очень хрупкого, к старости болезни становились чаще и злее. Но в поход Спиридов все же пошел, покинув свое место командира Кронштадтской эскадры. 4 июня 1769 г. его произвели в полные адмиралы. Это была как бы наперед выданная награда.

Своей эскадрой, назначенной в поход, Спиридов не имел оснований быть очень довольным. Корабли были плохи, не выдерживали больших штормов, ломались в важных частях, требовали очень долгой починки в Англии и других местах, где по пути их должен был оставлять Спиридов.

Дельный, энергичный моряк Грейг оказался превосходным помощником Спиридова с первых же шагов экспедиции.

За Спиридовым пошла вторая эскадра, которую императрица вверила Эльфинстону.

Английский капитан Джон Эльфинстон был принят на русскую службу 30 мая 1769 г., а уже 29 июня высочайшим приказом произведен в контр-адмиралы «сверх комплекта». Ровно через две недели после этого последовал «секретный высочайший указ» адмиралу Мордвинову (от 14 июля 1769 г.), повелевавший снабжать эскадру, порученную Эльфинстону, «без

дальних канцелярских переписок... всем тем, чего он... требовать будет»¹.

В качестве начальника небольшой эскадры (3 линейных корабля, 2 фрегата и 3 вспомогательных судна) Эльфинстон явился в Архипелаг, куда Екатерина посылала его в помощь уже пребывавшему там Спиридову.

В начале июня 1770 г. была окончательно снаряжена и отправлена из Кронштадта в Архипелаг, в подкрепление уже раньше посланных соединений, третья небольшая эскадра контр-адмирала Арфа, датчанина, принятого на русскую службу.

Отправляя адмиралов в Архипелаг, Екатерина сочла нужным снабдить их обстоятельными инструкциями, в которых дала краткую характеристику дипломатических отношений России со всеми морскими державами, мимо которых будет идти эскадра на своем долгом пути из Кронштадта в Архипелаг. Эти документы в высшей степени ценны с общен исторической точки зрения. Мы здесь приведем краткое содержание инструкции на имя Арфа.

Первой встретится контр-адмиралу Арфу Дания. «Относительно к сей короне можете вы на нее совершенно надежны быть и... смело входить в ее гавани» — отношения самые дружественные. Дальше — Голландия, — с ней тоже Россия находится в «добром согласии и дружбе». Нет опасности и от Англии, враг у Англии и у России общий — французы. «Об Англии справедливо можем мы сказать, что она нам прямо доброжелательная и одна из дружественнейших наших держав, потому что политические наши виды и интересы весьма тесно между собой связаны и одним путем к одинаковой цели идут». А кроме того «имеем мы с великобританской короной трактат дружбы и коммерции». Мало того, уже при посылке первых двух эскадр — Спиридова и Эльфинстона — «изъяснялися мы откровенно через посла нашего с королем великобританским и получили уверение, что военные корабли

¹ Материалы для истории русского флота, ч. XI. СПб., 1886, стр. 363.

наши приняты будут в пристанях его владения за дружественные». Указывалось, что желательно стараться избегать всяких трений с английскими морскими властями по вопросу о церемониальных салютах и т. п.

Совсем другого рода отношения у России с «бурбонскими дворами». Под «бурбонскими дворами» понимались тогда Франция, Испания и королевство Обеих Сицилий (Неаполитанское) — три державы, где царствовали три линии династии Бурбонов: французская, испанская и неаполитанская. Эти три державы состояли между собой в союзе, направленном против Англии, а не против России, но так как главный член союза — Франция была решительным врагом русской политики и на Востоке, и в Польше, и в Швеции, то русский флот, вступая в Средиземное море, имел основание с сугубой осторожностью относиться к близости не только французских, но и испанских и южноитальянских берегов.

«Со всеми сими бурбонскими дворами имеем мы только наружное согласие и можем конечно без ошибки полагать, что они нам и оружию нашему добра не желают». Однако Екатерина знает очень хорошо, что при демонстративно дружественном отношении Англии к присутствию судов русских в Средиземном море «нельзя ожидать и того, что они шествию вашему (т. е. контр-адмирала Арфа. — Е. Т.) явно и вооруженной рукой сопротивляться стали». Но следует всячески подалеже «обегать» указанные негостеприимные и подозрительные берега. Что касается Португалии и королевства Сардинского, то они, враждебные Испании и Франции, будут скорее рады появлению российского флага. Тоскана (со своим портом Ливорно) и республика Генуэзская не делают и не будут чинить особых препятствий. А Венеция даже «будет нам... внутренно желать добра», потому что она враждебна туркам и только из боязни открыто не дерзает поднять против них оружие.

Русская дипломатия имела основание ждать опаснейших интриг и «подвохов» со стороны французского флота, — например, специально подстроенной с провокационными целями посылки нарочито «подозритель-

ных» купеческих судов навстречу русским эскадрам. Умысел состоял в том, чтобы при остановке или аресте этих судов русскими военными кораблями затеять ссору и нападение и во всяком случае задержать поход: «...для того самого, может быть, и подсылать еще будут на встречу кораблям нашим такие французские суда, кои бы свойством груза своего могли произвести сумнение и задержание в плавании их. От ненавидящего нам Шуазеля можно по черноте характера его не только такой ожидать ухватки, но конечно и всякого беззакония, которое нам во вред быть может...»¹ — так писал Никита Панин русскому послу в Лондоне графу Мусину-Пушкину 29 мая 1770 г. И Спиридов, и Эльфинстон, и Арф, и Чичагов, и Грейг, — все они получали в свое время эти предостерегающие напутствия, и все эти вожди пяти эскадр, посланных в 1769—1773 гг. в Архипелаг, счастливо избежали французских ловушек и козней.

Цель экспедиции в Архипелаг была точно сформулирована в «собственном журнале» (дневнике) Грейга: «Ея императорское величество, желая, по возможности, усилить военные действия против турок, для скорейшего окончания войны, вознамерилась послать военный флот в Архипелаг и Левант. Цель экспедиции заключалась в том, чтоб произвести диверсию в этих местах и беспокоить турок в той части их владений, где они менее всего могли опасаться нападения, по причине затруднений, с какими должно быть сопряжено отправление вооруженной силы от самых крайних пределов Балтики в моря, столь отдаленные». Грейг и главный начальник отправляемой в Архипелаг первой эскадры адмирал Спиридов хорошо знали, что из европейских держав «некоторые благоприятствовали этому предприятю, а другие смотрели на него с завистью»².

Спиридову было дано 7 линейных кораблей, фрегат, бомбардирское судно, 4 пинка (транспорты), 2 пакет-

¹ Письмо гр. Панина к Мусину-Пушкину в Лондон. В Сербском селе, 29 мая 1770 года. Сборник Русского исторического общества, т. ХСVII. СПб., 1896, стр. 81.

² Собственноручный журнал. С. К. Грейга. «Морской сборник», 1849, № 10, стр. 645.

бота (посыльные суда) и 3 галиота. Число орудий на эскадре составляло 640, команда — 5582 чел.

17 июля Екатерина посетила на кронштадтском рейде эскадру, и в тот же день Спиридов вышел в море.

«Шканечный журнал» флагманского корабля экспедиции начинается словами: «1769 года июля 17 дня, при помощи божией начат сей журнал корабля «Трех иерархов» под командою господина бригадира флота капитана Самойлы Карловича Грейга в пути от Кронштадта со флотом, которой состоит в семи линейных кораблях, одного бомбардирского, одного фрегата, четырех пингов (sic), двух пакетботов и трех гальотов. Под главною командою господина адмирала и разных орденов кавалера Григория Андреевича Спиридова, имеющего свой флаг на корабле 66-пушечном «Св. Евстафии»¹.

Плавание шло с задержками, останавливались для починки повреждений и ликвидации разных неисправностей. Только 30 августа русский флот прибыл в Копенгаген, где ему было оказано всяческое содействие. Дания вполне зависела в тот момент от Екатерины, ограждавшей ее независимость против всяких покушений со стороны Швеции и Пруссии. 12 сентября Спиридов покинул Копенгаген и пошел через Каттегат. Тут один из пингов сел на мель и разбился, остальные суда 25—26 сентября прибыли в английские порты. Большая часть судов задержалась у английских берегов для исправления повреждений, а Спиридов на «Евстафии» 10 октября вышел в море и 18 ноября прибыл в Порт-Магон на о. Минорка в Средиземном море, куда он приказал идти всем судам по мере их готовности. 2 декабря в Порт-Магон пришли корабли «Три иерарха», «Три святителя» и один пинк, потом постепенно подходили и другие суда.

В общем к концу декабря там собралось годных к дальнейшему походу всего 8 судов: 4 линейных корабля («Евстафий», «Три иерарха», «Три святителя», «Януарий»), фрегат «Надежда», 2 пинка и пакетбот.

¹ Центральный Государственный Архив Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ). Фонд Шканечные журналы, № 950.

Адмирал Спиридов получил в Порт-Магоне известие о новых предначертаниях Екатерины. Во-первых, императрица назначила главнокомандующим всеми русскими морскими и сухопутными силами на Средиземном море Алексея Орлова. Во-вторых, Спиридову, поступавшему под начальство Орлова, было дано знать, что «ея величество, еще до отправления настоящей экспедиции, тайным образом повелела генералу графу Алексею Григорьевичу Орлову, находившемуся в Италии при начале войны с братом своим графом Федором Григорьевичем, стараться, через посланных туда доверенных людей, узнать настоящее расположение греков в Морее, и также предложить славянам и албанцам, обитающим на берегах Адриатического моря, присоединиться к восстанию»¹.

Место, где должно было начаться восстание против турок, было выбрано Екатериной и Орловым совершенно правильно. В Морее греков жило несравненно больше, чем турок, и тамошние турки, «давно отвыкшие от войны, утопали в неге и разврате». Но тут с русской стороны была совершена ошибка: агитация в Морее была поставлена Орловым еще задолго до появления эскадры Спиридова в турецких водах, и турки поэтому не были захвачены врасплох. Они уже учуяли опасность, начали готовиться, стягивали постепенно силы к полуострову Морее. Элемент внезапности, на что раньше рассчитывала императрица, был поэтому утрачен для русской игры.

4

Пока русский флот с понятной медленностью, подчиняясь необходимости, подвигался по морям к своему далекому назначению, — на Леванте и прежде всего на Балканском полуострове и островах Архипелага происходили свои события.

Алексей Орлов, слишком спозаранку начавший свою антитурецкую агитацию среди славян и греков, не рассчитал правильно времени прихода русских эскадр. А вместо нужных Спиридова и Грейга к нему явилось

¹ Собственноручный журнал... С. К. Грейга. «Морской сборник», 1849, № 10, стр. 652.

совсем другое и абсолютно для него в тот момент бесполезное лицо — князь Юрий Владимирович Долгоруков.

Этот человек не лишен был энергии, храбрости, некоторого ума (размеры и глубину коего сам он склонен был, впрочем, крайне переоценивать). За свою очень долгую жизнь (сподобился же он прожить на свете девяносто лет) Юрий Владимирович сделал крупную военную и военно-административную карьеру, что при его знатности, придворных связях и огромном богатстве было не очень трудно. Но была в нем одна черта, принесшая вред русскому делу именно в тот момент, когда граф Орлов готовил общее восстание против Порты, которое должно было вспыхнуть при появлении русских эскадр в Архипелаге. Эту черту князя Долгорукова можно определить как смесь паразитического легкомыслия с невероятным самомнением, заносчивостью и склонностью соваться в воду, не спросившись броду, и браться за дела не по силам.

Прежде всего, как он очутился у Алексея Орлова? Достаточно привести то «объяснение», которое дает сам Долгоруков, чтобы сразу понять, с кем мы имеем дело: «В сие время граф Алексей Григорьевич Орлов, находясь для лечения болезни в Италии... разговаривая с славянами, венецианскими подданными, с нами единоверными, уверился, что они недовольны своим правлением (правительством. — *Е. Т.*), также и их соседи черногорцы, турецкие подданные, и даже греки в Архипелаге преданы двору российскому; посему граф Орлов писал ко двору, дабы на сии народы (*sic*) и обстоятельства делать свои внимания, и он представляет свои услуги, если прислан будет флот и войско, но что он начальства не примет, если меня к нему на помощь не пришлют»¹. Значит, Орлову даже ни войско, ни флот не нужны, ибо если ему откажут в присылке Юрия Владимировича, то уже ничто его не утешит в отсутствии этой решающей «помощи!» Кому приписываются эти чувства и эти слова? Алексею Орлову — опасному,

¹ Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова. «Русская старина», 1889, т. LXIII, сентябрь, стр. 491—492. (Подчеркнуто нами. — *Е. Т.*)

Грозному, честолюбивому, на все способному, на все решающемуся человеку, связавшему уже свое имя с этой затеянной им, его братом и императрицей диверсией на юге Османской империи. И почему же Орлов готов отказаться от командования? Потому что он, ничего и никого не боящийся, боится, что ему не пришлют Юрия Владимировича Долгорукова «на помощь»! А Долгоруков был в это время лишь одним из дюжины генерал-майоров, несмотря на одушевленный панегирик, который он пишет себе самому в своих «Записках» и который, к слову замечу, без малейшей критики перенесен был благополучно, например, в статью о нем М. Российского в «Русском Биографическом словаре». Одним словом, Долгоруков напрасился на эту интересную командировку. Даже при отъезде из Петербурга он успел еще налгать нечто совсем уже невероятное: ему якобы поднесли «аннинскую ленту, объявля, что воля императрицы, чтоб я ее надел, когда заблагорассужу (!) и притом двадцать тысяч рублей; я то и другое отказал, не успев еще заслужить никакой награды»¹.

Таковыми же сказаниями, сбивающимися иногда на модные в XVIII столетии мемуары разных искателей приключений, а иногда на пленительные повествования Шехерезады, полны и те страницы «Записок» Долгорукова, где он сообщает о своей миссии к черногорцам. Орлов отправил его туда, дав ему немного боеприпасов.

В Черногории обстоятельства были в самом деле запутанные, и, вероятно, если бы у нас была даже серьезная сколько-нибудь достоверная документация, то все-таки было бы нелегко разобраться в положении вещей. А у нас для этого момента — появления Долгорукова в Черногории — решительно ничего нет, кроме записок того же Юрия Владимировича Долгорукова, который сам себя невольно отрекомендовал предварительно читателю как человека, склада ума крайне беллетристического, так сказать. Положение в Черногории он застал весьма сложное. Уже с 1769 г. Черногорией

¹ Сказания о роде князей Долгоруковых. СПб., 1842, стр. 302.

правил неизвестно откуда (как говорили, из Австрии) явившийся авантюрист Стефан, или, как он себя с затейливым вывертом величал: «Стефан — с малыми малый, с добрыми добрый, со злыми злой». Этот Стефан, или в просторечии «Степан Малый», объявил себя русским царем Петром III и все-таки продолжал подписываться «Стефаном Малым». В Петербурге знали об этом проходимце, но опасным его не считали, тем более, что Степан Малый, захватив власть в Черногории, совсем стал равнодушен к престолу все-российскому и начал жить-поживать в Цетинье, повидимому совсем забыв, за множеством других дел, что он между прочим еще и император Петр III.

Долгоруков, приехав в Цетинье, пишет о себе, будто бы он прочел на скупщине (народном собрании) письмо Екатерины, призывающее восстать против турок, будто уличил Степана в самозванстве, будто Степана он низверг и запер в тюрьму, а потом якобы сам же его снова восстановил на черногорском правлении, ибо убедился, что Степан при всех своих пороках умнее своих подданных, так как понимает его, князя Долгорукова, а прочие черногорцы даже ничего не смыслили в русском языке и т. д. и т. д.

Все эти несуразные и нескладные выдумки Долгорукова увенчиваются окончательной бессмыслицей: Долгоруков будто бы восстановил Степана Малого и, вернув ему бразды правления, взял с него за то торжественную клятву, что он будет верой и правдой отныне служить императрице Екатерине, и за это обещание уже авансом дал Степану чин русского офицера. Сам же Юрий Владимирович удостоверился, что Порта Оттоманская пообещала 5000 червонцев тому, кто его, Долгорукова, убьет. А посему Долгоруков, не теряя золотого времени, отбыл из Черногории навсегда.

Одним словом, абсолютно ничего из миссии Долгорукова не вышло, если не считать награды, которую он получил из Петербурга на основании, очевидно, его же собственного бесстыдного лганья. Мы дальше еще увидим, что он лгал и хвастал также и о своей мнимой роли перед Чесменским боем.

Итак, черногорское дело графа Орлова провалилось.

Но оставалась еще надежда на греков — как балканских (больше всего на юге, в Морее), так и островных. Здесь шансы казались более благоприятными, потому что могли помочь русские десанты.

Орлов возлагал больше всего надежд на так называемых майнотов, греческое племя, населяющее горы южной Морей. Эти воинственные горные кланы, с которыми трехсотлетнее владычество турок ничего не могло поделать, часто совершали набеги, облагали иной раз данью города и села равнинной Морей и укрывались в своих горных недоступных ущельях.

Русский флот по приказу Орлова, выйдя 23 января 1770 г. из Порт-Магона и побывав в порту Витуло, прибыл 1 марта в Коронский залив, как раз в местности, населенной этими воинственными майнотами. Здесь была произведена высадка десанта и свезена на берег артиллерия.

Восстание против турок местного населения началось немедленно. Восставшие присоединились к русскому десанту. Капитан Борков, командуя сводным отрядом из 600 русских и 500 майнотов, обратил в бегство 3000 турок и занял главный город Майны — Мизитру (на месте древней Спарты), а вскоре сдалась ему и крепость, где турки отсиживались всего девять дней. Отряд Боркова быстро увеличился и дошел до 8000 чел. Майноты, присоединившиеся к русским, оказались очень мало подготовленными и слабо дисциплинированными. Продолжая поход, Борков подошел к городу Триполице, но здесь турецкий гарнизон оказал упорное сопротивление. Произошла битва, в которой майноты были разбиты наголову и бросились наутек, оставив русских без всякой помощи. Русские после тяжких потерь пробились к Мизитре, которую удержали в своих руках. Столь же в общем безрезультатно действовал и другой маленький русский отряд — князя Долгорукова, вернувшегося уже из Черногории.

Не успел Долгоруков как следует начать свои действия, как ему велено было идти к крепости Наварин. Дело в том, что начавшаяся осада крепостей Короны и Модоны не привела к успеху, так как турки прислали на помощь гарнизонам многочисленные отряды, в то

время как Спиридов имел совершенно незначительные сухопутные силы. Надежды на восставших греков не оправдались, поскольку они были способны лишь на партизанские действия и не могли противопоставить себя регулярным турецким войскам. Именно поэтому он решил снять осаду Модоны и Короны и овладеть крепостью Наварин, чтобы здесь надолго расположить русский флот.

29 марта 1770 г. капитану 1 ранга Борисову было приказано идти с кораблями «Св. Януарий», «Три святителя» и фрегатом «Св. Николай» в Наварин.

Войдя в залив, этот отряд открыл артиллерийский огонь по крепости, и турецкий губернатор сдал город и крепость. 11 апреля русские войска заняли Наварин. Выдающуюся роль при атаке Наварина сыграл Осип Ганнибал, руководивший артиллерийским обстрелом.

Так впервые Наваринский порт вошел в летописи русских военно-морских побед, задолго до знаменитой битвы 1827 г. Как известно, Пушкин очень гордился подвигом своего деда Осипа Абрамовича, и, говоря об арапе Петра Великого Абраме, великий поэт писал: «... И был отец он Ганнибала, пред кем, среди гибельных пучин, громада кораблей вспылала и пал впервые Наварин».

Наваринский порт стал временно базой русского флота.

14 апреля 1770 г. из Ливорно на эскадру Спиридова, находившуюся в порту Корона (порт был в русских руках, а крепость — в турецких), прибыл Алексей Григорьевич Орлов, приведший с собой линейный корабль «Три иерарха», фрегат «Надежда», пакетбот и несколько более мелких судов. Орлов решил немедленно свезти с берега на корабли артиллерию «и все тяжести», и 18 апреля весь русский флот был уже в Наварине, куда вскоре подтянулись и сухопутные войска, пошедшие берегом.

Боевые действия эскадры Спиридова и десантного отряда заставили константинопольское правительство снять лучшие войска с других фронтов и послать их в Морею. С этой точки зрения действия русских флота и десанта в Морее при видимой своей безрезультатности

на этом фронте принесли существенную военную пользу, облегчив положение войск Румянцева в северных владениях Турции. Но о занятии морейского побережья думать уже не приходилось.

Положение русских и в Наварине становилось довольно критическим. Новые и новые турецкие войска прибывали в Морею и сосредоточивались в Модоне, совсем недалеко от Наваринской бухты.

С начала мая обстановка в Наварине еще более ухудшилась. Во-первых, турки лишили русский флот всякой возможности получить провиант с суши и добавок испортили водопровод, снабжавший город водой. Во-вторых, умножились признаки постепенного приближения большой турецкой армии. В-третьих, в город явился один грек, принесший известие, что большой турецкий флот из 12 линейных кораблей, нескольких фрегатов и небольших судов собирается напасть на русскую эскадру.

Орлов и Спиридов решили взорвать Наваринскую крепость, выйти в море и дать генеральный бой турецким кораблям.

Но еще раньше, чем они привели свое решение в исполнение, греческий лазутчик принес новую, на этот раз радостную весть: русская эскадра под командованием контр-адмирала Эльфинстона в составе трех линейных кораблей (80, 66 и 66 пушек), двух фрегатов и трех транспортов, на которых находились сухопутные войска, прибыла в Колокинфскую бухту (с восточной стороны мыса Матапан в Морею).

5

Эльфинстон решил уже на другой день после своего прихода в Колокинфскую бухту пойти разыскивать турецкий флот. 12 мая он снялся с якоря и направился в залив Наполи-ди-Романья, где, по сведениям греков, находился турецкий флот. 16 мая с русских судов были обнаружены турецкие корабли, собиравшиеся выйти из залива Наполи-ди-Романья. Эльфинстон не устранился немедленно атаковать турок, хотя у него было всего 3 линейных корабля и 2 фрегата, а у противника — до

20 судов, в том числе 10 линейных кораблей. Турки не приняли боя и поспешили вернуться в Наполи-ди-Романья под прикрытие береговых батарей. Им это удалось потому, что внезапно наступил штиль и русские корабли оказались совершенно имобилизованы, а турецкие корабли были отбуксированы гребными судами в глубину залива, к берегу. У русских в тот момент гребных судов на воде не было.

Всю ночь на 17 мая и утром продолжалось это бегство турецкого флота от противника, в четыре раза менее сильного. Но этим дело не кончилось. В 7 час. утра 17 мая были спущены на воду гребные суда и русские корабли стали буксироваться к неприятельскому флоту. В 3 часа дня, когда дистанция сильно сократилась, Эльфинстон приказал открыть огонь. Сражение продолжалось четыре часа. Ввиду того, что русские имели слабые силы, которым ничего существенного предпринять было нельзя против турецкого флота, находившегося к тому же под защитой береговых батарей, Эльфинстон решил отвести свою эскадру к выходу из залива и здесь как бы блокировать турок, стоявших в глубине залива. Тотчас же Эльфинстон послал одно из мелких судов, бывших в его распоряжении, в Наварин к Орлову и стал ждать подхода всего русского флота.

Орлов из этого сообщения узнал не только о положении вещей перед Наполи-ди-Романья, но и о той ошибке, которую допустил Эльфинстон, едва только прибыв в Колокинфскую бухту. Правда, намерения Эльфинстона были самые похвальные: он поспешил послать тогда сухим путем отряд привезенных им войск в Наварин, на помощь Орлову. Но, во-первых, Орлов уже не так нуждался в этой выручке, а во-вторых, по условиям местности этот отряд никак не мог прийти благополучно. Орлов поэтому прежде всего послал Спиридова с транспортными судами в Рупино (где Эльфинстон высадил отряд) с приказом немедленно взять отряд на суда. А затем Спиридову было приказано идти на соединение с Эльфинстоном, сторожившим турок у выхода из залива Наполи-ди-Романья. Полный штиль страшно мешал и задерживал. Только 22 мая Спиридов соединился с Эльфинстоном у о. Цериги, куда тот прибыл со своей

эскадрой. Тем временем турки, воспользовавшись уходом эскадры Эльфинстона, поспешно вышли в море. Спиридов и Эльфинстон решили предпринять погоню, но турки уходили быстро, а ветер стал стихать. Кроме безрезультатной перестрелки двух передовых русских кораблей с пятью отставшими турецкими, ничего из этой погони не получилось.

Спиридов был очень раздражен. Он обвинял Эльфинстона в нерешительном образе действий и утверждал, что можно и должно было атаковать турок, еще когда они стояли в глубине залива.

С этого времени, т. е. с 25 мая, почти месяц длилась погоня русских за убегающим турецким флотом. Любопытно отметить, что турецкие суда ничуть не уступали русским ни по достоинствам своей постройки, ни по количеству артиллерии.

Но не могло быть и речи о сравнении личных качеств человеческого материала. Турецкие матросы были терпеливы и храбры, однако как матросы они в большинстве случаев никуда не годились. Греческие матросы в турецком флоте понимали морское дело и морскую службу, но умирать во славу Аллаха и пророка его Магомета не испытывали ни малейшего желанья; стойкостью они не отличались. Албанцы, далматинцы, западные славяне были как матросы не хуже греков и даже выносливее их, но, как и греки, не очень охотно сражались против русских, пришедших, как они полагали, воевать против их исконных угнетателей. С офицерским составом у турок дело обстояло совсем неутешительно. Командиры кораблей не очень много смыслили в своем деле и больше были склонны к морскому разбою. Правда, в свободное от этого занятия время они пытались проводить и ученье матросов, но мало что из этого выходило.

Французы посылали в турецкий флот инструкторов. Однако министр Людовика XV Шуазель мог убедиться, что это приносит турецкому флоту еще меньше пользы, чем посылка Дюмурье и французских офицеров на помощь войскам польских конфедератов. Бились, бились французские инструктора, но ничего поделывать не могли. Турецкий командир склонен был считать свой корабль,

так сказать, замкнутым хозяйством, самостоятельной экономической единицей, вроде феодального поместья, где капитан есть феодал, матросы — его крепостные, доставляющие ему доход как из утаиваемых сумм, отпускаемых на их содержание, так и своим деятельным участием в корсарстве или даже в прямых пиратских нападениях на торговые суда всех наций — и дружественных, и враждебных, и нейтральных. Совсем не похожи на общую массу турецких матросов оказались русские моряки, вписавшие в русские летописи славное имя Чесмы.

Боевой дух среди моряков, который держался в русском флоте по традиции со времен Петра I, сразу же воскрес, едва только разнеслись слухи о желании государыни непременно воссоздать большой военный флот, едва только начались многочисленные учебные командировки морской молодежи в Англию для обучения. Отбоя не было от офицеров, просивших о назначении на эскадры, отправлявшиеся под общим командованием Алексея Орлова в Архипелаг.

Эскадры Спиридова и Эльфинстона стояли в Рафти, ждали известий о том, куда направится главнокомандующий граф Орлов из Наварина, а пока адмиралы очень жестоко между собой ссорились. Спиридов выражал свое неудовольствие по поводу недостаточно энергичных действий Эльфинстона, а тот полагал, что он Спиридову не подчинен и что Спиридов не имеет права делать выговоры.

Виновата была отчасти Екатерина. Отпуская флотоводцев в далекое, трудное и опасное плавание, она склонна была давать им слишком уже широкие полномочия, лестные напутствия и инструкции, и это кружило им голову, сбивало иногда с толку. Так было с Эльфинстоном, так было впоследствии и с датчанином Арфом.

Во всяком случае, когда Алексей Орлов покинул 26 мая Наварин и после двухнедельных поисков встретился, наконец, 11 июня с эскадрами Спиридова и Эльфинстона, то он мигом навел полный порядок. Орлов заявил, что рассматривать пререкания обоих адмиралов не желает, а берет общую команду над всем соединив-

шимся флотом на себя и поднимает свой флаг на корабле «Три иерарха».

Соединенный флот пошел к Паросу, где Орлов узнал, что три дня назад здесь побывал турецкий флот и ушел в неизвестном направлении.

Началась погоня. У Орлова в этот момент было 9 линейных кораблей, 3 фрегата, бомбардирский корабль, пакетбот, 3 пинка и еще 13 более мелких судов.

Турецким флотом командовал Ибрагим Хосамеддин, назначенный на пост капитан-паши (капудан-паша, как произносили турки) за два месяца до той поры — 26 апреля 1770 г. Это был совершенно ничтожный человек, ничего не смысливший в морском деле и притом превеликий трус. Фактическим вождем флота при нем стал Гассан по прозвищу «Джейсарлы» (из Алжира), человек очень способный, храбрый и хороший моряк. Вообще лучшими моряками турецкого флота были либо далматинцы, либо берберийцы, под каковым термином тогда понимались не только марокканцы, но и алжирцы и тунисцы.

Когда преследуемый русской эскадрой турецкий флот остановился в проливе между островом Хиосом и Малоазийским берегом, то Гассан решил принять бой в этом месте. Капитан-паша вследствие напавшего на него непобедимого страха решил, что он на своем адмиральском корабле во время предстоящего боя не останется, и съехал на берег, заявив, что должен инспектировать береговые батареи. Командование эскадрой перешло поэтому к Гассану.

Турецкий флот был значительно сильнее русского как по количеству кораблей, так и по их артиллерийской мощи. Он состоял из 16 линейных кораблей (от 60 до 100-пушечного ранга), шести фрегатов (40—50-пушечного ранга) и около 50 легких и вспомогательных судов. Артиллерию кораблей боевой линии составляли 1430 пушек против 712 пушек на русской эскадре. Неприятельские корабли стояли на якоре в две линии. Передовая линия состояла из 10 крупнейших линейных кораблей, вторая линия из шести линейных кораблей и шести фрегатов. Гребные и другие мелкие суда были поставлены между линиями боевых кораблей и берегом. По словам

Грейга, «турецкая линия баталии была превосходно устроена; расстояние между кораблями было немного более длины двух кораблей»¹.

Но если турецкое высшее морское командование умело расставить свои суда к бою, то оно решительно неспособно было руководить ими в бою.

Гассан-паша, повидимому, не очень надеялся на маневренные способности своего флота. Он ставил главной целью истребление русского флота ценой хотя бы потери соответствующего числа турецких судов, после чего по всей силе арифметики у более многочисленного турецкого флота все же кое-что останется. Вот и все! «Флот вашего величества многочисленнее Русского флота, — сказал Гассан-паша султану еще при отъезде из Константинополя. — Чтобы истребить Русские корабли, мы должны с ними сцепиться и взлететь на воздух, тогда большая часть Вашего флота останется и возвратится к Вам с победою»².

Склонный к хвастовству, князь Юрий Владимирович Долгоруков рассказывает, будто именно он тоже сыграл решающую роль в совете, когда приходилось убеждать Орлова «искать турецкого флота и его атаковать». «Мы с Грейгом решительно сказали», что нужно атаковать. Это «мы с Грейгом» — любимая фраза Долгорукова. Любит он еще так выражаться: «Тут опять Грейг со мной посоветовался, как турецкий флот истребить» и т. п. К счастью, у нас есть подробное описание всего похода, принадлежащее правдивому перу Грейга, и там мы ничего не находим, что могло бы подтвердить слова Долгорукова ни о его влиянии на решение Орлова, ни о советах, которые якобы испрашивал Грейг у Юрия Владимировича.

Рассказывая свои небылицы, князь Долгоруков иногда чувствует, что слишком уже увлекается, и тогда пробует смягчить возможное читательское неудовольствие и предупредить зарождение нежелательного скептицизма.

¹ Собственноручный журнал.. С. К. Грейга. «Морской сборник», 1849, № 12, стр. 801.

² А. Я. Г л о т о в. Чесменский бой. «Отечественные записки», часть третья, 1820, № 5, стр. 57 (статья составлена отчасти по устным рассказам и показаниям участников).

ма. Долгоруков пишет: «Накануне атаки Грейг ко мне подошел и просил, чтобы я взял команду над кораблем «Ростиславом». Написав это, князь, очевидно, сам почувствовал, что ведь живы еще некоторые участники событий (хотя повествовал он в 1817 г., т. е. спустя 47 лет после боя), которые могут сказать, что не только этого предложения со стороны Грейга не было, но и быть не могло. Статочное ли дело, чтобы Грейг ни с того, ни с сего сменил превосходного опытного храброго моряка, сжившегося со всей командой, командира корабля «Ростислав» Лупандина и назначил бы на его место Долгорукова, никогда даже шлюпкой не командовавшего? И вот Долгоруков идет на уступки читателю: «Я сперва засмеялся, что он находит меня способным к морской части, но он зачал меня убеждать, и я переехал». Долгоруков не знал, что будут в свое время опубликованы собственные записки Грейга и что там ни единого звука не будет сказано об этом фантастическом «назначении». Да и вообще в записках Грейга даже имени Долгорукова ни разу не указано. Все это мы тут считаем нужным отметить, чтобы доказать, что решительно ошибаются те, кто придает запискам Долгорукова значение «источника» в таких случаях, когда нет материалов, чтобы его проверить. Ведь не всегда же возможно обнаружить его фантазерство так убедительно, как в данном случае. Он сам «засмеялся» над хвастливой своей ложью: остается это сделать и читателю.

В «Русской Старине» (сентябрь, 1889) напечатаны якобы «полностью» записки Долгорукова, ранее уже опубликованные в «Сказаниях о роде Долгоруковых». Редакция «Русской Старины» без всяких оговорок и оснований позволила себе делать сокращения и, например, пропустила *вовсе* цитату, приводимую тут нами и помещенную и в «Сказаниях» и в 1849 г. в VII части «Записок Гидрографического департамента» (о том, как сам Долгоруков «засмеялся» и т. п.). В тексте «Русской Старины» вследствие этого произвольного пропуска целой фразы получилась полная бессмыслица: «Накануне атаки Грейг ко мне подошел и просит, чтобы я взял команду над кораблем Ростиславом, но он зачал меня очень убеждать, и я переехал на Ростислав». Здесь это

«но» лишено всякого смысла именно потому, что пропущена указанная фраза! Не довольствуясь этими искажениями текста, редакция «Русской Старины» еще почтительно рекомендует Долгорукова как «одного из достойнейших сподвижников Екатерины». Мы остановились тут на этих записках князя Ю. В. Долгорукова именно потому, чтобы предостеречь читателя от доверия к ним. В этом-то и был один из вреднейших пороков русской дореволюционной историографии, что она без тени критики часто принимала свидетельства именитых карьеристов, лгавших направо, и без всяких затруднений эти преуспевшие аристократы возводились в ранг «сподвижников» при рассказе о великих исторических деяниях вроде Чесменского боя. А когда хвастливое лганье этих знатных мемуаристов уже превосходило всякую меру, тогда благосклонные и благожелательные историки порой просто фальсифицировали тексты, стыдливо опуская (без всяких оговорок и объяснений) наиболее неудобные места, слишком уж обличающие автора в фантазерстве. Князь Долгоруков захотел похитить славу одного из *настоящих* чесменских героев, командира «Ростислава» Лупандина, а типичный средний представитель старой историографии редактор «Русской Старины» Михаил Семевский совершенно напрасно ему в этом деле решил помочь.

В своем донесении Екатерине о Чесме граф Орлов пишет, что, увидя 24 июня перед собой 16 турецких линейных кораблей, 6 фрегатов, несколько шебек, бригантин и множество полугалер и других малых судов, он «ужаснулся», но в конце концов «решился»¹. Это Алексей Григорьевич явно рисовался, желая внушить Екатерине, до какой степени грозным было положение, из которого, однако, удалось столь победоносно выйти. Но, конечно, требовалась и от командиров и от экипажа русской эскадры в самом деле большая отвага, чтобы атаковать неприятеля, далеко превосходившего своей материальной частью русский флот. Своим боевым духом русские моряки превзошли врага. «Англичане, французы, венециане и мальтийцы, живые свидетели всем дейст-

¹ Материалы для истории русского флота, ч. XI. СПб., 1886, стр. 558—559.

виям, признавались, что они никогда не представляли себе, чтоб можно было атаковать неприятеля с таким терпением и неустрашимостью»¹.

Еще 23 июня, накануне боя, Алексей Орлов подписал приказ, в котором определенно не считал возможным снабдить свою эскадру наперед диспозицией: «По неизвестным же распоряжениям неприятельского флота, каким образом оной атаковать, диспозиция не предписывается, а по усмотрению впредь дана быть имеет»².

В «линии баталии» выстроились 9 линейных кораблей (восемь 66-пушечных, один — «Святослав» — 84-пушечный). В авангарде были корабли «Европа», «Евстафий» и «Три святителя»; командование авангардом было поручено адмиралу Спиридову, державшему свой флаг на «Евстафии». В середине — кордебаталии — находились корабли «Януарий», «Три иерарха», «Ростислав»; кордебаталией командовал Грейг; он и верховный командир эскадры граф Алексей Орлов находились на корабле «Три иерарха». Сзади, в арьергарде, шли корабли «Не тронь меня», «Святослав» и «Саратов»; командиром арьергарда был контр-адмирал Эльфинстон (флаг на корабле «Святослав»). Фрегаты и другие суда находились в конце линии.

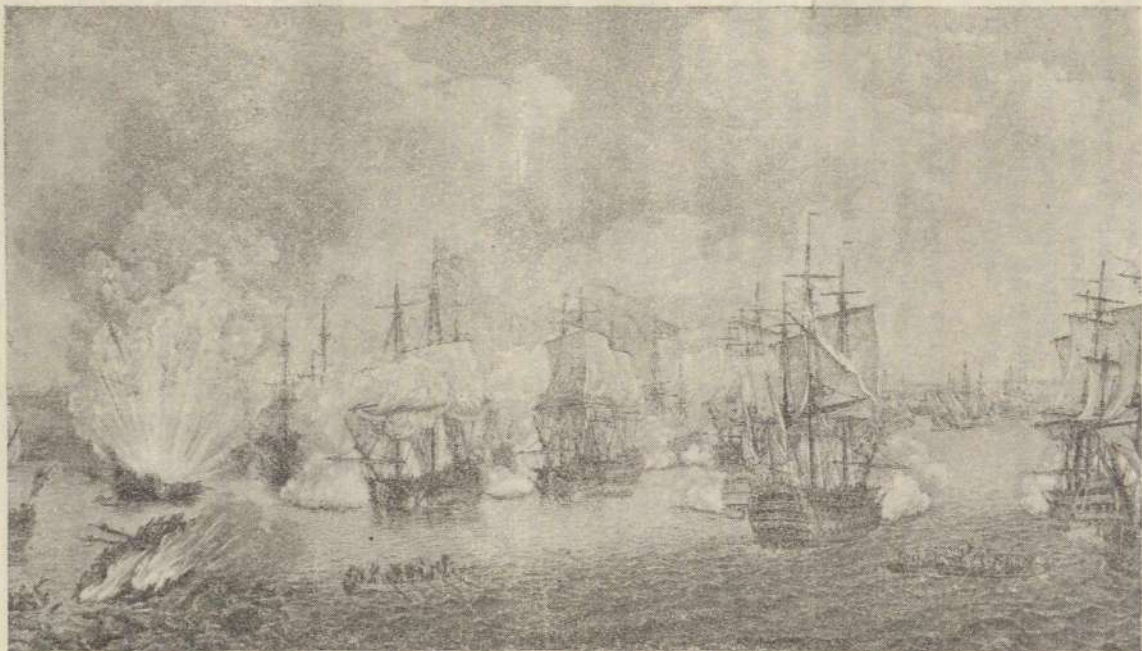
Кроме Спиридова, Грейга и Эльфинстона, командовавших тремя частями флота и подчинявшихся непосредственно Орлову, было еще особое и тоже непосредственно Орлову подчиненное лицо: начальник всей артиллерии эскадры цейхмейстер Осип Ганнибал.

6

С корабля «Не тронь меня», повидимому, прежде всех увидели более или менее отчетливо стоявший в бухте и перед бухтой неприятельский флот и насчитали 18 судов. Если брать лишь линейные корабли, то была допущена ошибка: их было не 18, а 16. Если же считать также фрегаты и более мелкие суда, то турецкий флот

¹ Материалы для истории русского флота, ч. XI, СПб., 1886, стр. 559.

² В память Чесменской победы. Сборник документов. Одесса, 1886, стр. 9.

Хиосское сражение 24 июня 1770 г.

был гораздо многочисленнее и насчитывал 70 вымпелов.

На корабле «Три иерарха» был поднят сигнал «гнать за неприятелем». Русская эскадра в строю кильватерной колонны начала сближаться с противником. К 11 часам утра 24 июня русский флот сильно приблизился к туркам. Граф Орлов дал сигнал: всему флоту атаковать неприятеля.

Через полчаса после сигнала, когда дистанция составляла три кабельтова, началась сильная канонада турок по нашим кораблям. Шедший в авангарде адмирал Спиридов атаковал первым, за ним в бой вступила кордебаталия под командованием Грейга. Что касается арьергарда, которым командовал Эльфинстон, то он оставался некоторое время вдали. Русские корабли «Европа» и «Евстафий» напали на турецкий флагманский линейный корабль «Реал-Мустафа», который вскоре загорелся от попаданий снарядов. Команда «Реал-Мустафы», охваченная паникой, бросилась в море, чтобы вплавь добраться до берега. Но тут русских постигла большая неудача: при наступившем штиле «Евстафий» был нанесен течением, довольно сильным здесь, прямо на горящего ярким пламенем «Реал-Мустафу», никакими усилиями нельзя было предотвратить это гибельное сближение. Когда «Евстафия» прибило окончательно к «Реал-Мустафе», русские матросы и армейский отряд бросились на abordаж и перебили турок, еще находившихся на борту горящего судна. Но тут с турецкого корабля огонь перебросился на «Евстафий», и пожар стал быстро распространяться, создалась угроза гибели флагманского корабля. Согласно требованиям морского устава адмирал Спиридов со своим штабом принужден был покинуть «Евстафий» и перейти на «Три святителя». Вскоре горящая грот-мачта турецкого корабля рухнула прямо на «Евстафий» и, так как кюйт-камера была открыта (для пополнения артиллерии порохом и снарядами во время боя), в нее попали головешки. Раздался оглушительный взрыв, и «Евстафий» взлетел на воздух. Спустя несколько минут, взорвался и «Реал-Мустафа».

Сражение продолжалось с большим упорством со стороны русских. Турецкий огонь направлялся не очень умело, но совсем худо обстояло у турок с маневрирова-

нием. Громадный стопушечный корабль капитан-паши (так и называвшийся «Капитан-паша») был атакован «Св. Януарием» и «Тремя иерархами». Турки решили увести свой корабль прочь и начали обрубить канаты, но были в такой панике и растерянности, что забыли перерубить шпринг. По показанию Грейга, «корабль... (турок. — Е. Т.) повернулся кормою к «Трем иерархам» и оставался в таком положении около четверти часа». Это позволило «Трем иерархам» в упор продольными выстрелами нанести «Капитан-паше» страшнейшие повреждения «без малейшего для себя вреда»¹.

После этого на турецких судах стали самым спешным образом обрубить якоря, и противник обратился в бегство, осыпаемый русскими ядрами и брандскугелями. Турки бежали в беспорядке, сбиваясь в кучу и устремляясь к каменистому берегу Чесменской бухты.

Алексей Орлов до самого конца боя не знал, жив ли его брат Федор, находившийся на погибшем «Евстафии». Только по окончании боя он узнал, что Федор находится в числе немногих спасшихся. На «Евстафии» погибло, по первоначальным подсчетам, 34 офицера и 473 солдата и матроса, спаслось 58 чел., в том числе командир корабля Круз. Всего же русские в этот день потеряли убитыми 523 чел.² Если не считать погибших при взрыве «Евстафия», потери составляли всего лишь 16 чел. убитыми. Малое число убитых объясняется тем, что турки стреляли только по рангоуту, повреждали мачты, реи и перебивали снасти, чтобы лишить русские корабли хода. На корабле «Три иерарха», который находился совсем близко («менее одного кабельтова») от неприятельского флота, был только один раненый, но зато перебиты были почти все ванты как у грот-мачты, так и у фок-мачты. На других кораблях наблюдалось то же самое: ничтожные потери в людях и довольно большие материальные повреждения.

Весь бой 24 июня продолжался лишь около двух ча-

¹ Собственноручный журнал... С. К. Грейга. «Морской сборник», 1849, № 12, стр. 805.

² А. Соколов опубликовал несколько иные данные архива Гидрографического департамента (см. VII ч. «Записок Гидр. деп.», стр. 349): 628 чел. погибших и 63 спасшихся с корабля «Евстафий».

зов. Точнее было бы сказать 1½ часа, потому что в последние полчаса не было уже сражения в точном смысле слова, а шла лишь погоня за поспешно убежавшими турками, на всех парусах спасавшимися в Чесменскую бухту.

Вот что написали немедленно в своем лаконичном шканечном журнале наблюдатели, смотревшие с флагманского корабля «Три иерарха» на гибель «Евстафия». Сохраняем, как и всюду дальше, орфографию и пунктуацию (точнее, отсутствие пунктуации):

«В начале первого часа адмиральской корабль Евстафий сошелся борт с бортом с неприятельским адмиральским кораблем после чего в море неприятельской адмиральской корабль загорелся причем видно, что с оного турки бросались в воду тогда у нас был сигнал чтоб прислать от всего нашего флота вооруженные шлюпки которые и посланы были и с нашим к нашему адмиральскому кораблю Евстафию для спасения людей, потом и наш адмиральский корабль Евстафий загорелся наш так жестоко, что после вдруг взорвало все на нем и на неприятельском корабле в тож время подходя мы близ неприятельского флота стали палить из пушек ядрами, что происходило и с протчих нашего всего флоту кораблей, в 2 часа поворотили мы овер штаг на левой галс в тож время привезено к нам на корабль с сожженного корабля Евстафия на нашей шлюпке господин капитан Крюиз и протчих офицеров 4 человека и закрепили у нас грот марсель и крюсель, в ¼ 4-го часа подошед мы в близость стоящих на якорях неприятельских кораблей в местечке Сезми от оных к N в недалеком расстоянии закрепили фок марсель легли на якорь дагликс на глубине 27 сажень грунт песок канату отдано до 50 сажень при том пеленги мыз Калаберия протекающая к N оконечность NO 25°.00' местечко Сезде где неприятельский флот стоит на якоре NO 50°.00' от него к W оконечность SW 43°.00' к оной мыз Блинник чрез остров Пазарву SW 60°.00' острова Спалчей Тора середина NO 3°.00' поставленная вежа от местечка Сезми к WSW 3°.00', в тож время приехали к нам на корабль его сиятельство граф Федор Григорьевич Орлов и его высокопревосходительство господин адмирал и кавалер Григорий Андреевич

Спиридов, цейхмейстер Ганибал стоящий на якоре корабль Европа и контр-адмиральской корабль прошед нас к SW фрегат Африка бомбардирской Гром легли на якорь»¹.

После сражения в Хиосском проливе турки стали уходить к востоку. Ветра было очень мало, и поэтому турки старались отбуксовать свои корабли при помощи гребных галер. Русские шли за ними: «На корабле «Трех иерархов» учинен сигнал, чтоб гнать за неприятелем, пальбу производя беспрерывно, а неприятельские корабли, по тихости ветра стали буксоваться имеющими при них шебеками и галерами... В половине 2-го часа видно нам — неприятельские корабли, приходя в бухту под местечко Чесму, легли на якоря...» Так записано в шканечном журнале корабля «Не тронь меня» об этом конечном моменте морского боя 24 июня².

С того момента, когда русские во второй половине дня 24 июня увидели повальное, беспорядочное бегство неприятеля по направлению к Чесменской бухте, Орлов, Спиридов, Грейг и Эльфинстон решили, что они турецкие суда из бухты уже не выпустят и что первый удар будет нанесен брандерами. Цейхмейстеру бригадиру Ганнибалу было поручено изготовить к действию 4 брандера и выбрать нужных людей для руководства ими. Риск для находящихся на брандере был огромен, но Ганнибалу не пришлось долго выбирать: капитан-лейтенант Дугдаль, лейтенант Ильин, мичман князь Гагарин и лейтенант Мекензи вызвались по собственному почину на это дело.

Брандеры были поставлены Орловым под общую команду Грейга. Кроме брандеров Грейгу были даны для предстоящей решающей атаки еще 4 корабля — «Ростислав», «Европа», «Не тронь меня» и «Саратов» и фрегаты «Надежда» и «Африка». Сверх того, Грейг получил в свое распоряжение еще бомбардирский корабль «Гром». Брандеры должны были начать дело, а корабельная артиллерия закончить его. Под брандеры были назначены четыре греческих торговых судна. Целый день

¹ ЦГАВМФ. Фонд Шканечные журналы, № 950, 1769—1770. Запись 24—26 июня 1770 г.

² ЦГАВМФ. Фонд Шканечные журналы, № 947. Шканечный журнал «Не тронь меня», 24—26 июня 1770 г.

25 июня шли приготовления. Снаряжались брандеры, отбиралась команда для них, а также для гребных судов, которые должны были подвести брандеры к неприятельским кораблям.

Брейд-вымпел начальника отряда Грейга был поднят на «Ростиславе». Грейг приказал брандерам уже с вечера 25 июня быть под парусами и ждать от него сигнала к нападению.

Наступила навеки памятная ночь на 26 июня 1770 года. Море было залито лунным светом. С русских кораблей вполне отчетливо было видно, что делает турецкий флот в бухте, куда накануне он бежал под прикрытие береговых батарей. В свои подзорные трубы русские видели, что турецкий флот находится «в тесном и непорядочном стоянии», одни носами к NW, другие — на NO «и прочие в тесноте к берегу как бы в куче». Попытались издали сосчитать турецкие суда. Вышло: 14 линейных судов, 2 фрегата, 6 пинков.

Неприятель оказывался сильнее. Орлов не был моряком и не мог поставить себя в ряд со Спиридовым или Грейгом. Однако он знал, что только он может взять на себя страшную ответственность за возможное поражение русской эскадры, которой негде будет, может быть, даже и отдохнуть и чиниться в случае беды. Прочной-то базы ведь не было вовсе. Порт Аузу на о. Парос нельзя было считать серьезной базой для большого флота.

Не впервые было Алексею Орлову ставить на карту и свою жизнь, и честь, и судьбы России. До сих пор вывозили энергия, вера в себя, счастье. Он решился.

«Наше ж дело должно быть решительнее, чтоб оной флот победить и разорить, не продолжая времени, без чего здесь, в Архипелаге, не можем мы и к дальним победам иметь свободные руки; и для того, по общему совету, положено и определяется: к наступающей ныне ночи приуготовиться...»

Как основная задача имелось в виду сожжение неприятельского флота посредством использования брандеров. Каждый брандер должен был подводиться к намеченному неприятельскому кораблю десятивесельной шлюпкой. Брандер должен был сцепиться с неприятельским кораблем, после чего артиллерист, командированный на этот

брандер цейхмейстером Ганнибалом, поджигает брандер, а сам вместе с командой шлюпки отходит к своим. При этом запрещалось, пока брандеры не загорятся, открывать артиллерийский огонь с русской эскадры, чтобы не помешать делу. Но когда брандеры загорятся и шлюпки отойдут, приказ требовал открыть «жестокую пальбу» по тем кораблям неприятеля, которые не подвергнутся нападению четырех брандеров. Вот, собственно, и весь незамысловатый план боя¹.

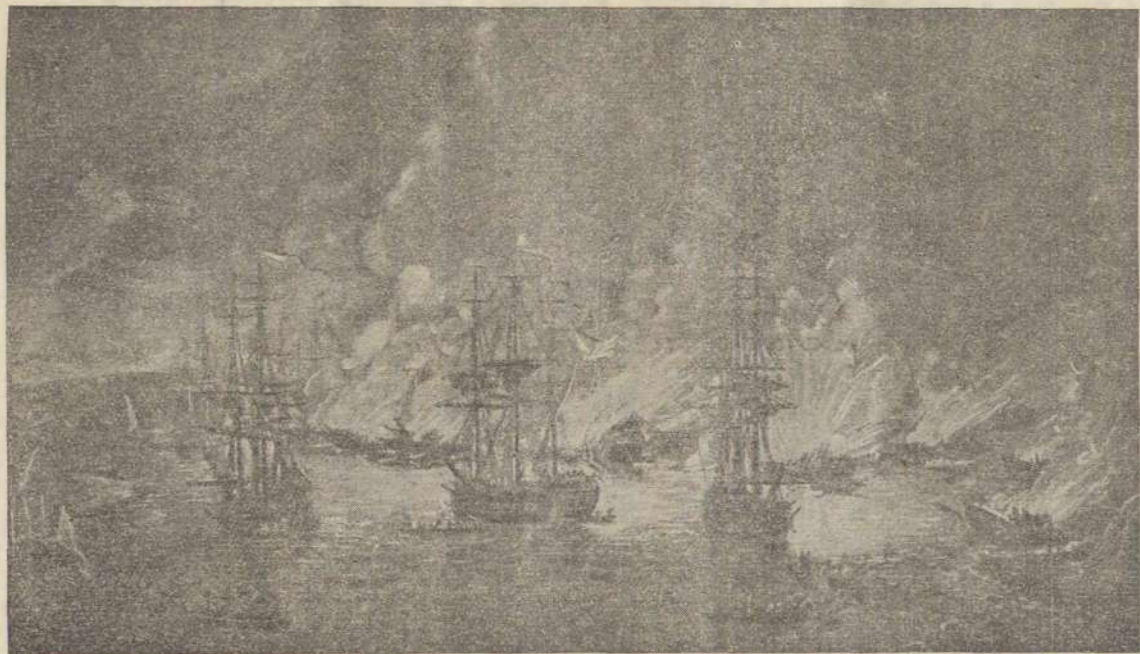
Все зависело от способности противника артиллерийским огнем дать отпор русским брандерам, когда те начнут приближаться к намеченным турецким кораблям, и вести эффективный огонь, когда брандеры сделают свое дело и русские корабли начнут обстреливать весь турецкий флот из своих орудий.

7

Грейг назначил выступление брандеров на полночь, но в половине двенадцатого Спиридов отдал в рупор приказ командиру «Европы» Клокачеву немедленно сняться с якоря и идти на неприятеля. Ни Грейг, ни Спиридов и вообще никто не дает удовлетворительного объяснения этой перемене. Может быть, роль тут сыграло просто нетерпение Спиридова. Спиридов в сущности не имел никакого права нарушить приказ Грейга, менять его диспозиции и назначенное время начала атаки. Но Спиридов был старше и чином и возрастом, сильнее авторитетом, чем Грейг, и мог себе позволить то, что для другого было делом рискованным.

Клокачев повиновался, конечно. Очевидно, он не хотел снова нарваться на яростный окрик Спиридова: «Поздравляю вас матросом!» Такой окрик, совсем незаслуженный Клокачевым, командир «Европы» услышал в разгаре боя 24 июня. Разжалование в матросы, которым пригрозил ему Спиридов, конечно, едва ли его постигло бы, потому что он повернул свой корабль тогда исключительно затем, чтобы не наскочить на камень (согласно предупреждению своего грека-лоцмана, отлично знав-

¹ В память Чесменской победы. Сборник документов. Одесса, 1886, стр. 19—22.

Чесменский бой 26 июня 1770 г.

шего дно). Во всяком случае теперь, в ночь на 26 июня перед Чесменской бухтой, Клокачев блестяще доказал свое мужество.

В первом часу ночи «Европа» приблизилась к турецкому флоту и начала артиллерийскую перестрелку. Корабль должен был отвечать и флоту и береговой артиллерии турок, что он и делал некоторое время с полным успехом один. Но уже через полчаса на подмогу «Европе» подошли «Ростислав», затем «Не тронь меня» и два фрегата. Эти четыре корабля окончательно заперли выход из бухты и вместе с тем в огромной степени усилили огонь «Европы» по флоту и по берегу. А во втором часу ночи к месту артиллерийского боя постепенно подтянулся и весь остальной русский линейный флот. В разгар сражения русское бомбардирское судно удачно подожгло турецкий корабль. Огонь быстро побежал по снастям, и вскоре неприятельский корабль был охвачен пламенем. В этот момент Грейг дал приказ выступить брандерам.

Начало действий отряда брандеров было неудачно. Капитан-лейтенант Дугдаль на всех парусах шел к турецкому линейному кораблю, с которым хотел сцепиться, но ему не пришлось добраться до цели. Две турецкие галеры напали на брандер. Дугдаль немедленно подожг свое судно, а сам выбросился за борт вместе с командой; все люди были подобраны русской шлюпкой. Горящий брандер затонул.

Вторым шел брандер Мекензи. Этому брандеру удалось дойти до цели, но его действия были бесполезными. Корабль, с которым сцепился брандер, уже горел, зажженный искрами и головешками с соседнего пылающего турецкого корабля.

Третьим брандером командовал блестящий моряк, храбрец, лейтенант Ильин.

Когда русские брандеры направлялись к турецкому флоту, то, по признанию самого Гассана-паши (рассказавшего это барону Тотту), турки убеждены были сначала, что к ним приближаются русские перебежчики, идущие добровольно сдаваться. И турки «молились о благополучном прибытии (русских судов. — Е. Т.), в то же

время твердо решив заковать в кандалы (русский.—*Е. Т.*) экипаж и уже предвкушая удовольствие повести их с триумфом в Константинополь»¹.

Эта курьезная ошибка помогла командиру брандера Ильину превосходно выполнить свое дело. Ильин подошел к турецкому кораблю, еще совершенно целому, приtkнулся к нему бортом и зажег его.

Четвертому брандеру (князя Гагарина) не нашлось работы; турецкий флот пылал уже почти весь, подожженный снарядами с русских кораблей.

Пожар в течение последнего часа боя, т. е. после двух часов ночи, быстро пожирал один турецкий корабль за другим. Гассану не удалось вывести свои суда подальше от бушующего огня. К несчастью для турок, наступил полный штиль и паруса бессильно повисли на реях. Турецкий флот погиб без остатка.

Попытка Грейга взять в плен два уцелевших было корабля увенчалась лишь частичным успехом: один из этих кораблей, когда его уже вели на буксире к русской эскадре, загорелся от попавших в него горящих головешек, а другой корабль — «Родос» — благополучно был доставлен и вошел в состав русского флота.

После 3 часов ночи русские уже не стреляли, а только издали наблюдали огненную бушующую стихию и слушали последующие оглушительные взрывы, когда одно за другим неприятельские суда взлетали на воздух, а затем погружались в пучину. Несколько мелких турецких судов, спасшихся от огня, были забраны русскими. Как пишет Грейг в своем «собственноручном журнале», русские моряки обратили внимание на то, что турецкие суда горели обыкновенно «часа по два и более, прежде нежели огонь достигал до крюйт-камер их; некоторые же сгорали по самую ватерлинию и только тогда взлетали на воздух». Грейг должен был бы прибавить, что турецкие суда горели еще гораздо дольше, чем «часа по два и более»; они горели, очевидно, даже и по шесть часов, потому что сам же он сообщает, что «загоревшиеся последними взлетели (на воздух. — *Е. Т.*) не ранее 9 часов утра». А русские пре-

¹ Mémoires du baron de Tott, t. III, Amsterdam, 174, p. 38.

кратили огонь уже вскоре после 3 часов ночи. Очевидно, что постройка турецких судов была прекрасная и крюйт-камеры задраивались превосходно.

Утром Алексей Орлов, брат его Федор и Грейг прошли на парусном катере по месту ночного побоища «для осмотра обгорелых остатков неприятельского флота, представлявших печальное зрелище по множеству мертвых тел, растерзанных и в разных положениях плававших между обломками». Алексей Орлов приказал подобрать в море раненых турок и «перевезти на корабль для перевязывания ран и подания возможной помощи»¹. Нужно отметить, что в традиции русского флота уже тогда было особенно предупредительное и гуманное отношение к пленным. Это отмечали как нечто удивительное и турки, отнюдь не имевшие основания хвалиться тем же. Спасенных таким образом турок было «множество», и, когда здоровье их поправлялось, «большому числу из них от высочайшего имени ее императорского величества дана была свобода», — так доносил граф Орлов в Петербург.

Ничто не дает такого впечатления реальности, как сухие, совсем краткие записи о Чесменской битве, вносившиеся час за часом в эту историческую ночь на 26 июня в «Шканечные» (корабельные) журналы русских судов и прежде всего в шканечные записи флагманского корабля «Три иерарха», на борту которого находился Алексей Орлов. Приведем некоторые записи, начиная с начала первого часа 26 июня 1770 г. и кончая 10 часами дня того же числа. Сохраняем орфографию рукописи.

«Пополуночи: 1 час. Ветр посредственный, небо малооблачное, светлая луна и блистание звезд, в начале часа корабль Европа стал подходя к турецким кораблям и начали с неприятельской батареи по нем палить, також и с неприятельских кораблей по нем палить, тако в $\frac{1}{2}$ часа видимо нам корабль Европа стал на якорь и стал палить против неприятеля. В исходе часа отдали у нас марсели, триселя, после чего и протчие корабли

¹ В память Чесменской победы. Сборник документов. Одесса, 1886, стр. 47.

проходя в... ¹ неприятельских кораблей и стали производить пальбу.

2 часа. В начале часа от наших кораблей бросанных брандскугилей загорелся неприятельской корабль и стал распространяться огонь, в $\frac{1}{2}$ часа нашими приготовленными от нас брандерами из трех греческих фиделег зажжен еще к N неприятельский корабль. В исходе часа взорвало неприятельских два корабля, потом и протчих турецкого флоту корабли загорелись и другие мелкие суда загорелись.

3 часа. В начале часа еще стоящие на N неприятельские корабли два загорелись и привезли к нам капитана лейтенанта Дугдала, которого на брандере во время зажигания обшибло в воду пламенем и повредило обе ноги, в $\frac{1}{2}$ часа взорвало еще турецкий корабль 3 чей (sic) и огонь распространился по всему флоту, после того, еще взорвало неприятельских 2 корабля и привезли к нам канонира Нестерова, которого на брандере опалило, матроза корабля 3-х Святителей Егора Соколова да бомбардира раненого одного. В 3 часа загорелся еще к берегу неприятельский корабль и увидели мы идущим от N под парусами 3 судна, а какие для осведомления посланы от нас вооруженные две шлюпки, да еще стоящие ближе к крепости загорелся корабль.

4 часа. В начале часа взорвало еще 6-й неприятельский корабль в $\frac{1}{2}$ часа приехал к нам его превосходительство господин контр-адмирал, в исходе часа корабль Европа отдав марсели пошел под парусами возвратно от местечка Чесма.

5 часов. Ветр тихий, небо мало облачно, в $\frac{1}{2}$ часа взорвало седьмой и восьмой турецкий корабль, после чего вскоре еще взорвался 9-й и в 5 часов взорвало 10-й корабль. Между тем взят нашим флотом один пятидесятной турецкой корабль, на котором и подняли наш Российский военный флаг, гюис и вымпел, да 5 галер, которые все приведены к нашему флоту и наши корабли и фрегаты, которые были посланы для атаки

¹ В шканечном журнале пропуск.

турецкого флота пришли ко флоту и стали на якорь, между тем проходя мимо нас взятого корабля и 5 галер, також из протчих кричали по три раза, а от нас ответствовано тож число, с корабля Ростислава салютовано из 21, а от нас ответствовано из 25 пушек, после чего приехал на корабль наш господин командующий.

6 часов. В исходе часа взорвало 11-й турецкий корабль.

7 часов. В начале 7 часа при выстреле у нас из пушки учинен сигнал для съезду со всего флоту лейтенантов и учинен у нас сигнал для призыву командующих кораблей Аннуарии, и фрегата Надежда и Африка, в тоже время взорвало 2 корабля турецкие, 12-й и 13-й, один за другим, вскоре после чего при выстреле у нас из пушки учинен сигнал кораблю Саратову гнать меж SW для идущего там под парусами судно, после чего усмотрено что то судно нашего флота фрегат Паникутьев и для того оной сигнал о погоне уничтожен, в тож время взорвало 14-й корабль.

8 часов. В начале часа взорвало турецкой 15-й корабль, в тож время взорвало в гавани небольшое судно посланы от нас на 2-х галерах на неприятельский берег, где было неприятельская батарея подполковник I, майоров два, гренадер и мушкетеров 50 человек и все вооружены для атаки той крепости...

10 часов. ...в $\frac{1}{2}$ часа видно нам еще неприятельский большой корабль да небольшое судно взорвали¹.

Кончилась короткая южная летняя ночь, а пожар, охвативший бурным пламенем весь турецкий флот, свирепствовал все больше и больше. Вот что читаем в «собственноручном журнале» Грейга: «Пожар турецкого флота сделался общим к трем часам утра. Легче вообразить чем описать ужас, остолбенение и замешательство, овладевшие неприятелем. Турки прекратили всякое сопротивление, даже на тех судах, которые еще не загорелись; большая часть гребных судов или затонули или опрокинулись от множества людей, бросавшихся в них. Целые команды, в страхе и отчаянии, кидались в

¹ ЦГАВМФ. Фонд Шканечные журналы, № 950, 1770 г., лист 164 и оборот. Шканечный журнал «Трех иерархов».

воду; поверхность бухты была покрыта бесчисленным множеством несчастных, спасавшихся и топивших один другого. Не многие достигли берега, цели (sic) отчаянных усилий. Командор снова приказал прекратить пальбу, с намерением дать спастись по крайней мере тем из них, у кого было довольно силы, чтоб доплыть до берега. Страх турок был до того велик, что они не только оставляли суда, еще не загоревшиеся и прибрежные батареи, но даже бежали из замка и города Чесмы, оставленных уже гарнизоном и жителями»¹.

Из 15 000 чел., составлявших экипаж турецкого флота, истребленного при Чесме, спаслось не более 4000 чел., среди которых много было раненых. Очутившись на берегу, турки, поскольку вообще в состоянии были двигаться, ударились в паническое бегство, увлекая за собой насмерть перепуганное население города. Бежали они в Смирну, куда и принесли страшное известие.

В Смирне тотчас же произошел кровавый антихристианский погром, направленный прежде всего против греков, хотя среди христиан города Смирны были также сирийцы и армяне. Ярость турецкого населения вызывалась распространенным тогда на востоке убеждением, будто именно греки просили Екатерину о присылке в Архипелаг русского военного флота.

Русские высадили десант в городе Чесме. В этом городе оказались промышленные и текстильные предприятия, и русские моряки нашли в совершенно покинутых жителями складах большие трофеи.

Победа русского флота была самая полная. Ликующий Орлов велел не довольствоваться перевозкой на русские суда всей береговой артиллерии (19 медных пушек), но, «дабы флот имел себе более славы», приказал забрать также медную артиллерию «с погоревших неприятельских днищ», потому что, кроме этих «днищ», ровно ничего от турецкого флота не осталось².

Героями Чесмы были из высших начальников Грейг и Спиридов, из командиров кораблей Хметевский,

¹ Собственноручный журнал... С. К. Грейга. «Морской сборник», 1849, № 12, стр. 811.

² В память Чесменской победы. Сборник документов. Одесса, 1886, стр. 23.

Клокачев, Лупандин, из подчиненных младших офицеров лейтенант Ильин. На эскадре с восхищением передавали, как Ильин «подошел к турецкому кораблю с полным экипажем находящемся, в глазах их положил брандскугель в корабль, и зажегши брандер, возвратился без всякой торопливости с присутствием духа, как и прочие, назад»¹.

Матросы вели себя с тем же мужеством, умом, находчивостью и проявляли ту же физическую ловкость и сноровку, как и в течение всей этой долгой и нелегкой экспедиции и до и после Чесмы. Чем больше распространялись по свету слухи об изумительном истреблении большого линейного флота, тем громче звучала слава русских моряков.

Со времен Петра I прошло много времени, поколения, пережившие Гангут, уже давно сошли со сцены, Чесма заставила всю Европу вздрогнуть и принять в соображение, что мечта Петра как будто вполне сбылась и что у русского «потентата» налицо обе руки — не только армия, но и флот.

8

Истребление всего турецкого флота под Чесмой произвело потрясающее впечатление в Константинополе и в других местах Оттоманской империи. Вот что рассказывает турецкий официальный летописец о Чесменском бое: «После сего (боя в Хиосском проливе. — *Е. Т.*) флот Оттоманский вошел в порт Чесменский, куда прибыли также корабли неприятельские, и снова сражение началось. От ударов пушек поверхность моря запылала. Корабли неприятельские, в продолжение всего морского сражения, находились под парусами, дабы оградить себя от опасности и от гибели в сем порте. Вступление капитан-паши в порт Чесменский, судя по очевидности дела, предпринято было по власти судьбы. Между тем, как капитан-паша употреблял все усилия, чтобы отразить неприятелей, сии последние отправили несколько брандеров, наполненных нефтью и другими горючими веществами, против нашего флота.

¹ В память Чесменской победы. Сборник документов. Одесса, 1886, стр. 57.

Некоторые из наших кораблей им удалось зажечь; а другие, поспешая к ним на помощь и соединяясь с ними, также объаты были пламенем и сгорели.

Войска, находившиеся на других кораблях, рассеялись без сражения по берегам Смирны и другим местам. Капитан-паша и Джебзайрю-Хасан Бей были ранены. Али, правитель корабля и другие офицеры, желая спасти себя вплавь, погибли в волнах моря..

Сие происшествие, служащее полезным примером, весьма опечалило всех мусульман, особенно его высочество наш государь был весьма расстроен и поражен чрезвычайным горем¹.

Современник экспедиции русского флота в Архипелаг турецкий министр иностранных дел Ресми-эфенди в своем «рассказе», переведенном с рукописи известным ориенталистом Сенковским, говорит об этом событии: «Наконец из Путурбурка, лежащего на краю моря, называемого Балтык, через Гибралтарский пролив послал (москвитянин) на воды Мореи и в Архипелаг несколько мелких военных судов вертеться между островами; в Англии и других землях нанял несколько кораблей, в Архипелаге нахватал барок вроде саколев (sic) и дрововозок и, одни нагрузил войском, другие съестными припасами, в четыре или пять месяцев составил себе значительный флот из старого хлама. Когда этот флот появился, опытные знатоки моря предсказывали, что первая порядочная буря эту странную ладью опрометчивого гяура, незнающего здешних вод, непременно истолчет в щепки и разметет по морю».

Однако приводившее многих турок прямо в суеверный страх вечное счастье Екатерины, «этого бича мусульман», не изменило ей и на этот раз.

«Но по закону успехов, предопределенных бичу мусульман, судьба и ветры постоянно благоприятствовали его ничтожному флоту, и с первого нападения уничтожил он наш прекрасный флот, столкнувшись с ним в Чешме, месте лежащем насупротив острова Хиос.

¹ О сожжении турецкого флота при Чешме. (Из историографа Оттоманской Империи Ахмеда Вассафа Эфенди). Труды и летописи Общества Истории и Древностей Российских, часть VII. Москва, 1837, стр. 117—118.

Много так же помогло гяуру и то, что в Сирии и Египте как раз вспыхнули бунты».

Продолжая удивляться, Ресми-эфенди указывает на следующее примечательное обстоятельство:

«Для порядочного флота, весьма трудно провести даже одну зиму в Архипелаге. Между тем, при особенном покровительстве судьбы, неприятель три года сряду, зимой и летом, шатался по этим опасным водам без малейшего вреда и даже нашел средства запереть Дарданеллы своей дрянной эскадрой, так, что ни один наш корабль не мог выйти из пролива! Все это одна из тех редкостей, которые у историков называются ходисеи-кюбра, великим событием, потому что они выходят из порядка природы судьбы и в три столетия раз случаются».

Ресми-эфенди разбирает употреблявшиеся в этой войне русскими всевозможные военные «хитрости» и перечисляет восемь таких «хитростей», из которых особенно интересны первая и восьмая. «Первая их хитрость — нисколько не нарушая существующего мира, непрерывно приготовляться к войне... но так, чтобы этого никто не мог приметить». Далее следует пересчет «хитростей» тактического и стратегического характера, и, наконец, «восьмая и последняя хитрость: с пленными мусульманами не употреблять ни жестокостей, ни побоев. Гяур позволяет им жить по своему обычаю и не говорить ничего обидного для их веры, многим даже дает свободу, для того чтобы они бесполезно его не обременяли... полагаются главным правилом не стеснять ничьего вероисповедания».

Говоря о силе и славе русской «царицы» («чарычи»), Ресми-эфенди указывает, что русские чрезвычайно подобострастны к своему женскому полу. «От того-то они так удивительно покорны, послушны и преданы этой чарыче: они почти считают ее святой, около нее толпятся отличнейшие своими способностями и знаменитейшие люди, не только московской земли, но и разных других народов, и, полные восторга к чарыче, они все мечтают рвением положить за нее душу свою. Надо сказать и то, что она также претонкая женщина, чтобы привязать к себе этих людей, она, оказывая являющимся к себе государственным мужам и воеводам более

радушия, чем кто-либо им оказывал, осыпая их милостями, отличая вежливостями, образовала себе множество таких полководцев, как Орлуф (Орлов. — *Е. Т.*) или как маршал Руманчуф (Румянцев. — *Е. Т.*), тот, что заключил мир с нами. При усердном содействии всех этих людей счастье ее развернулось, и она свободно поплыла по морю успехов до той, что сделалась как бы обновительницей Русского царства. В 1177 (1763) году, по случаю смерти короля ляхов, вмешалась она в дела этого народа, которые на несколько лет заняли ее внимание по причине необходимых сделок с соседями, а в 1182 (1768) году по воле предопределения начала войну с нами»¹.

9

Известие о блистательной русской победе под Чесмой с необычайной по тому времени быстротой распространилось по всему турецкому Леванту. На всех почти островах Архипелага вспыхнуло возмущение против турок. Двадцать семь больших и малых островов и островков прислали депутацию к Алексею Орлову, объявляя о своем желании подчиниться скипетру Екатерины. Турки были представлены на своих островных владениях совсем ничтожными гарнизонами; к тому же оказались слишком деморализованными вестями о Чесме.

Орлов подумывал как будто сразу после Чесменского боя форсировать Дарданеллы. Он направил контр-адмирала Эльфинстона к о. Тенедосу, где греческое население с ликованием встретило русских. А другая русская эскадра под командой Спиридова подошла к Лемносу, овладела сначала островом без сопротивления, но целых два месяца осаждала Лемносскую крепость, где заперся турецкий гарнизон. Турки сдались лишь после долгой (более чем двухмесячной) осады. Но удержаться на Лемносе не удалось, потому что из Константинополя прибыл и сумел проскользнуть мимо русских судов большой (около 3500 чел.) турец-

¹ Рассказ Ресми-эфендия, оттоманского министра иностранных дел, о семилетней борьбе Турции с Россией. СПб., 1854, стр. 75—76.

кий десант. Пришлось взять русский отряд на борт и отойти от Лемноса. Паника в Константинополе была страшная. Однако ясно было, что Эльфинстону без помощи эскадры Спиридова форсировать Дарданеллы не удастся, а Спиридов, задержанный так долго у Лемноса, где русские предполагали создать плацдарм, до поздней осени не мог полностью помочь в этом трудном предприятии. Обстрел дарданелльских укреплений не дал никаких результатов.

О том, что творилось в Константинополе после Чесмы, хорошо рассказал очевидец, уже цитированный нами барон Тотт. Этот весьма активный агент Версальского двора в Турции и в Крыму написал и издал в Амстердаме в 1784 г. свои воспоминания, которые через несколько лет после опубликования на французском языке были переведены на польский язык и вышли в свет в Варшаве — I том в 1789, II и III тома в 1791 г., т. е. как раз тогда, когда в Польше возлагали большие надежды на происходившую «вторую» войну с турками (1787 — 1791 гг.)¹.

Барон Тотт изображает состояние турецкой обороны в самом неутешительном виде: артиллерия плоха, суда плохи, форсировать Дарданеллы после Чесмы было легко и т. д. Он явно и с умыслом преувеличивает. Это французскому агенту нужно было, чтобы читатели оценили его личную распорядительность и умелость: султан велел, «чтобы все делалось по моим указаниям». И он, барон Тотт, принялся турецкую беду руками разводить. Больше всего внушал беспокойство этому испытанному другу Оттоманской Порты упадок духа у турок: «Главным неприятелем турок была их мораль». Свидетельство Тотта все же в высшей степени любопытно. Не только султан Мустафа, ограниченный дюжинный деспот, и окружавшие его воры и ничтожества Дивана, но и французские покровители Оттоманской Порты были перед Ларгой, Кагулом и Чесмой убеждены в близком и полном торжестве правоверных. Граф Сен-При, французский посол, решил воспользоваться

¹ Tott, baron. Opisy Turkow y Tatarow, t. I—III. Warszawa, 1789—1791.

«надменной надеждой на великие успехи» и устроить большой бал в Константинополе под предлогом чествования бракосочетания французского наследника престола. Этот бал должен был сопровождаться иллюминациями и фейерверками по всему городу. Сен-При поручил устройство праздника барону Тотту: «Уж бальная зала, которую нужно было выстроить, была закончена, фейерверк заготовлен, нам осталось только расположить декорации, как вдруг известие о разгроме обеих армий — и на суше и на море, подорвало наши приготовления. Уже невозможно было думать о празднествах. Падишах в живейшей тревоге, министры удручены, народ в отчаянии, столица в страхе перед голодом и нашествием. Таково настоящее положение империи, которая за один месяц перед тем считала себя столь грозной»¹.

Голод грозил Константинополю, — и вот по какой причине. При безобразнейших порядках, царивших во всем государственном хозяйстве Турции и становившихся еще нелепее во время войны, было постановлено, что турецкая армия снабжается всеми теми продуктами (начиная с хлеба), которые можно достать с берегов Черного моря и из северных частей Балканского полуострова, а столицу должны преимущественно кормить Архипелаг и Сирия. Но в Сирии шло долгое перемежающееся восстание, да и Смирна, через которую сирийские провенансы направлялись морским транспортом в Константинополь, была отрезана русским флотом. Архипелаг тоже оказывался после Чесмы не только отрезанным, но и в значительной части захваченным русскими. При этих условиях блокада Дарданелл в самом деле грозила столице самым настоящим голодом, потому что на скудные доставки сухим путем из близкой Малой Азии надеяться было трудно.

А между тем блокада Дарданелл началась с неудачи. Адмирал Эльфинстон без всякого приказа со стороны графа Орлова и без вызова со стороны адмирала Спиридова вдруг покинул блокирующую Дарда-

¹ Mémoires du baron de Tott, t. III. Amsterdam, 1784, p. 33—34.

неллы русскую эскадру и на линейном корабле «Свято-слав» отошел к о. Лемносу.

Впоследствии императрица Екатерина приравняла этот поступок Эльфинстона к разряду действий «людей сумасшедших». Хуже всего было то, что именно при этом бесполезном путешествии «Святослав» уже перед самым Лемносом наткнулся 5 сентября 1770 г. на риф и в самом катастрофическом положении сел на мель. Пришлось экстренно вызывать несколько судов из-под Дарданелл, чтобы как-нибудь спасти «Святослав», но ничего из этого не вышло. «Святослав» разбился и погиб 27 сентября окончательно. Орлов был возмущен страшно. Как только в Константинополе узнали о том, что часть блокирующих русских судов отозвана к Лемносу для спасения «Святослава», — тотчас же, воспользовавшись этим, турецкие транспорты проскользнули через Дарданеллы, прошли к острову Лемносу, высадили там войска и русским пришлось снять осаду с уже готовой было сдать крепости Пелари и покинуть Лемнос.

Орлов, спустя некоторое время, отправил Эльфинстона в Кронштадт и послал такой материал о нем, что адмирала отдали под суд, обвиняя в служебной небрежности, которая погубила «Святослав». Суд формально не обвинил Эльфинстона, однако служить ему дальше в русском флоте уже не пришлось. 19 июля 1771 г. он был уволен в чистую отставку и навсегда покинул Россию.

Английские историки, касаясь Чесмы и всей русской эпопеи в Архипелаге, норовят, без излишней скромности, приписать Джону Эльфинстону чуть ли не центральную роль в событиях, но, как видим, это с их стороны лишь патриотическая иллюзия.

Замечу тут же, что собственно крушение карьеры Эльфинстона можно приурочить к концу сентября 1770 г., когда сейчас же после гибели «Святослава» эскадру у него отобрали и соединили с эскадрой Спиридова. Приказ, отданный Алексеем Орловым на корабле «Три иерарха» 29 сентября 1770 г., когда корабль находился в порту Мудрос на острове Лемнос, гласил: «Необходимые нужды для пользы службы Ея Импера-

торского Величества, принудили меня отделенную эскадру господина контр-адмирала *Эльфинстона* соединить с эскадрой, под моим ведением находящуюся, и препоручить обе в точную команду Его Высокопревосходительства господина адмирала и кавалера Григория Андреевича *Спиридова*, о чем господа начальники судов да будут известны»¹.

В октябре 1770 г. пришел в Порт-Магон и адмирал Арф. Он привел вверенную ему эскадру довольно благополучно, принимая во внимание неутешительное состояние, в котором его корабли были уже при отправлении из Кронштадта. Но тут сразу же начались большие недоразумения. Датчанин Арф очень плохо ориентировался, очевидно, и в русских придворных порядках и в положении Алексея Орлова в русском флоте в водах Леванта. Ему вскружило голову, что Екатерина, отпуская, дала ему очень доверительную инструкцию с характеристикой внешне-политических отношений России (о чем уже выше сказано) и вообще милостиво с ним обошлась, поэтому ему вообразилось, что он ни от кого, кроме государыни, не зависит.

Когда контр-адмирал Елманов, заступивший место временно отбывшего Спиридова, написал Арфу о приказе Алексея Орлова немедленно идти на соединение с русским флотом и когда при этом Елманов не скрыл своего недоумения по поводу медлительности Арфа, — то Арф ответил 26 октября 1770 г. письмом, в котором очень надменно признавал себя подчиненным только самой императрице непосредственно. Из этого письма ясно, что Никита Иванович Панин тоже подбивал датчанина к борьбе против ненавистного Панину Алексея Орлова. Вот характерная выдержка из этого документа:

«Что касается до объяснений, которых Вы требуете о причине моей остановки здесь и намерен ли я идти немедленно ко флоту или оставаться здесь и почему, позвольте В. П. вам сказать в немногих словах, что я имею приказание и инструкции от Ея И. В. моей всемилостивейшей государыни и я не замедлю сделать донесение, которое отправлю при первой возможности к

¹ «Морской сборник», 1853, № 9, стр. 285

Ея Величеству, а равно и к графу Орлову и адмиралу Спиридову».

Не довольствуясь этой язвительной выходкой, Арф поспешил еще вернуть в это письмо наиболее ненавистное братьям Орловым имя: «Все то, что В. П. заявляете о нужде, какую имеет граф Орлов в моей эскадре и войсках, мне совершенно известно из приказаний Ея Величества и Ея министра графа Панина и все порученное мне до сих пор мною в точности исполнено и надеюсь, с помощью всевышнего, что и на будущее время исполню всякую обязанность, которая будет на меня возложена».

Между тем, имею честь вас предупредить, что я пошлю копию с вашего письма к Ея Величеству и мой ответ на это письмо»¹.

Дальше шли в том же язвительном тоне некоторые жалобы и претензии Арфа к Елманову по вопросу о ремонте судов и т. д.

Если бы Арф хоть немного знал графа Орлова, то он понял бы, что подобные «предерзости», посылаемые Алексею Григорьевичу через голову Елманова, а в особенности упоминания о Никите Ивановиче Панине вконец губят его карьеру во флоте, по крайней мере на данном ее этапе. Для нас эта переписка очень интересна потому, что в ней «как солнце в малой капле воды» отражается подспудная и упорная, хотя и безуспешная борьба Н. И. Панина против обоих братьев Орловых и против затеянной, как он считал, ими и предпринятой государственной экспедиции.

Оскорбленный высокомерием младшего по должности Арфа, контр-адмирал Елманов, понимал, конечно, что Арф, полагаясь на Н. И. Панина и на предполагаемое благоволение императрицы, только делает вид, будто ждет повелений от Орлова, — и ответил датчанину чрезвычайно внушительно. Он напомнил Арфу, что имеет полное право требовать от него объяснений; что Орлов все-таки требует немедленного прибытия к

¹ ЦГАВМФ, фонд адмирала Спиридова, дело 12, год 1770, листы 197—198. Подписано: «Арф».

нему вновь явившейся эскадры; что его, Елманова, ничуть не пугает угроза Арфа донести обо всем до сведения государыни.

«...Я имел право требовать от вашего превосходительства изъяснения, — писал Елманов, — однакож и по сие время о намерениях ваших я неизвестен. Вы же можете усматривать, что требование мое было в пользу службы ея императорского величества и соблюдении высочайших интересов.

А что я вашему превосходительству напомнил о нужде, которую его сиятельство граф Алексей Григорьевич имеет в вашей эскадре и в людях, то я чрез сие изъяснял действительное его сиятельства графа Алексея Григорьевича повеление, в котором точно объявляет, что в эскадре вашей и в людях великую имеет надобность, о чем и теперь тож напоминаю. Сверх того ваше превосходительство пишете, что вы во первом случае не преминете ея величеству как копию с моего письма так и с сего вашего ко мне ответа предложить, о чем и с моей стороны куда надлежит письменно ж предложено будет»¹.

Ясно было, что после подобной переписки не жилец уже Арф в Российском флоте.

С эскадрой Арфа прибыло на купленных у англичан транспортных судах 2167 чел. пехоты и 523 гвардейца Преображенского полка. Уже это придавало большое значение подошедшей эскадре. Но еще большее значение имел (по крайней мере в глазах самого Арфа) привезенный им рескрипт Екатерины на имя Алексея Орлова от 19 июля 1770 г. Императрица приказывала, чтобы эскадра Арфа оставалась под его непосредственным начальством даже и по приходе в Архипелаг, «когда он сам, по соединении с флотом адмирала Спиридова вступит под главное его начальство». Это свое распоряжение Екатерина объяснила так: «Резолюция наша в сем случае происходит от внутреннего составления Арфовой эскадры. На всех ее кораблях будут при наших и датские еще вместе с сим контр-адмиралом в

¹ ЦГАВМФ. Фонд адмирала Спиридова, дело № 12, листы 199—200.

нашу службу призванные офицеры из тех, кои в собственном своем отечестве бесспорно между лучшими почитаемы были, а с ними и некоторое число датских же матросов...»¹.

На это-то и уповал контр-адмирал Арф, осмеливаясь дерзить самому Алексею Григорьевичу. Он не знал, что от Петергофа до Архипелага и от июля месяца до октября — очень большая дистанция и в пространстве и во времени...

Результат этого заблуждения не заставил себя ждать. Орлов стал всячески придираться и притеснять Арфа, велел не выдавать ему столовых денег, вел расследование о причинах его опоздания и т. д. Арф подал просьбу о том, чтоб Орлов отпустил его в Петербург, Орлов не только мигом выполнил эту просьбу, но просил Екатерину больше ему иностранцев не присылать.

«Арф, желая возвратиться в Россию, просит об увольнении его из здешней экспедиции, то и отпущен он в удовольствие своего желания, тем больше что не предвидется впредь той крайней нужды, которая необходимо требовала бы продолжения в здешних морях его службы... Если В. И. В. благоугодно будет повелеть отправить сюда из России новую эскадру... то приемлю смелость всеподданнейше испросить от В. И. В. ту высочайшую милость, дабы таковая эскадра состояла из российских матросов и офицеров, и не иностранцам, но российским поручена была командирам, ибо от своих одиоземцев, не токмо с лучшею надеждою всего того ожидать можно, чего от них долг усердия и любви к отечеству требует, но еще и в понесение трудов, беспокойств и военных трудностей, довольно уже усмотрено между российскими людьми и иностранцами великое различие, а при том и неразумение иностранного языка делает невинное (невольное. — *Е. Т.*) несогласие и затруднение»².

В этой хвале русским морякам Алексей Орлов был

¹ Рескрипт императрицы Екатерины II, данный на имя графа Алексея Григорьевича Орлова, 19 июля 1770 г. Сборник Русского исторического общества, т. I. СПб., 1867, стр. 39.

² Материалы для истории русского флота, ч. XI. СПб., 1886, стр. 671.

совершенно прав. По выносливости, бесконечному терпению, ревности к службе и к русской морской славе, по неукротимой храбрости и стойкости никакие иностранные матросы не могли сравниться с русокими.

Арф уехал, его эскадра присоединилась к флоту, блокировавшему Дарданеллы, привезенные им войска вошли в состав русских гарнизонов, овладевших островами Архипелага.

Русские овладели постепенно почти всеми островами Архипелага, и греческое население охотно покорилося им и избивало турок даже тогда, когда те и не думали сопротивляться.

Но, разумеется, руководители экспедиции и прежде всего Спиридов, заместивший Алексея Орлова после отъезда его 13 ноября 1770 г. в Ливорно, не считали это приобретение сколько-нибудь прочным. Без большой сухопутной армии и постоянного пребывания в Средиземном море большого русского флота утвердиться навсегда в Архипелаге было мудрено. Важно было хоть до конца войны удержать за собой эти острова.

Вот что писал о выгодах и невыгодах овладения Архипелагом Алексею Орлову 7 февраля 1771 г. адмирал Спиридов, являвшийся после отъезда Орлова в Ливорно главным и бесконтрольным начальником островов Архипелага:

«От нынешнего подданства греков кажется нам пользы никакой нет, а состоят еще и убытки в прокормлении бедных до нового ныне нашим хлебом; но польза видна сия еще, ежели мы острова за собой до миру удержим; за нынешний год получим мы от них добровольно десятую часть всех их продуктов в натуре или за оные деньгами...»

Но как все мыслящие моряки, Спиридов понимал возможное в будущем огромное для России значение проникновения и укрепления за собой опорных пунктов в восточной части Средиземного моря. «О имени оных на 20-ти островах греков до миру в подданстве содержать за главную надобность признаю во первых во славу нашей великой государыни, что она великая наша государыня владеет в Архипелаге греческом от Негропонта (sic) до Анатолии Архипелагским великим

княжеством, а во вторых ежели при мире останутся у ней великой государыни или доставится вольность, то сие также увеличит славу ея В., в третьих же, когда оные до миру острова за нами останутся, то по близости к Негропонту и Мореи и к Малой Азии затворяют чрез наших крейсеров от Кандии и Египта к Смирне, Солонике (sic) и к Константинополю, также и от оных мест в Средиземное море, вход и выход неприятельских военных и с их турецкими грузами судов, так как бы между обеими частями же света в воротах... А четвертое, мы имеем теперь надежное военное сборное у себя место — остров Парос и порт Аузу, ...и весьма сие место нужно чтоб до миру его отнюдь не оставить, а укрепиться елико возможно».

Спиридов очень хорошо понимает, что решительные враги России — французы, и, повидимому, даже думает, что и потенциальные в будущем союзники англичане — много дали бы, чтобы выжить отсюда русский флот.

«Ежели бы англичанам или французам сей остров с портом Аузой и Анти-Паросом продать, то б, хотя и имеют они у себя в Медитерании (Средиземном море.— *Е. Т.*) свои порты, не один миллион червонных с радостью дали»¹.

10

Не только Франция, но и принужденный по целому ряду обстоятельств носить дружественную маску король прусский Фридрих II очень не желал, чтобы Архипелаг остался за Россией. Правда, в своем мемориале от 1 декабря 1770 г., когда готовились (сорванные впоследствии) мирные переговоры между Россией и Турцией, Фридрих силился подчеркнуть, будто вовсе не он, а сами турки и австрийцы не желают, чтобы Россия овладела Крымом, Валахией, Молдавией и «одним из островов» Архипелага, но лицемерие прусского короля совершенно очевидно.

Характерно, что в то самое время, когда русские уже овладели почти двадцатью островами Архипелага,

¹ Материалы для истории русского флота, ч. XI, СПб., 1886, стр. 654—656.

Фридрих пишет лишь об «одном» острове. Он предлагает императрице получить Азов, Большую и Малую Кабарду и «свободное плавание на Черном море». Король льстит себя надеждой, что государыня, выслушав эти благие советы, признает в нем «прямого и искреннего друга».

Екатерина отвергла эти «дружеские» советы. Война продолжалась.

Алексей Орлов, получив доклад Спиридова, повез его в Петербург, куда и прибыл 4 марта 1771 г.

Екатерина согласилась с непосредственными предложениями Спиридова о необходимости, во всяком случае до заключения мира, удерживать за собой Архипелаг и с мыслью Орлова о пользе установления эффективной длительной блокады Дарданелл. На помощь со стороны греков в Море или где бы то ни было на Балканах ни Орлов, ни Екатерина уже не рассчитывают: «...нельзя более считать на диверсию и содействие в праведной нашей войне греческих туркам подвластных народов, по причине свойственной им, или лучше сказать, врожденной уже склонности к рабству и совершенного в характере их легкомыслия...»¹.

Но для владычества на островах достаточно было наличия русского флота близ Дарданелл; устраивать большие высадки для освобождения островов Архипелага турки не могли, а греческое население, на которое не приходилось очень рассчитывать при столкновении с регулярными турецкими силами, вполне (и с большой охотой) подчинялось русскому начальству, пока турок не было.

Западная Европа оценила огромное значение блистательного успеха русского флота, но все-таки дипломатия Франции, Пруссии, Англии, Австрии старалась по мере сил приуменьшить роль личных качеств русских начальников и экипажа.

Замечу, что эту тенденцию, благополучно перебравшуюся из деловых бумаг и из публицистики XVIII века в ученые книги XIX века, мы находим не у всех, но у многих историков, пишущих о Чесме и вообще об экспе-

¹ Материалы для истории русского флота, ч. XI, СПб., 1886, стр. 658.

диции в Архипелаг. Достаточно вспомнить, в каком кривом зеркале живописует эти события хотя бы известный автор семитомной истории Греции Джордж Финлей¹. В особенности следует сказать это относительно изображения событий, следовавших за Чесмой, в частности относительно боевых действий у Лемноса. Алексей Орлов даже нашел нужным направить в Париж (отсюда именно шла клеветническая кампания против русского флота, поощряемая версальским двором) особое письмо на имя советника нашего посольства Хотинского. В этом письме Орлов пишет: «Недоброхоты наши, будучи чувствительно тронуты благополучными российского оружия как на сухом пути, так и на море успехами, единственно по зависти только стараются злостные в народах рассевать вести...»². Алексей Орлов излагает вкратце лемносские события так, как они, судя по другим источникам, происходили: крепость Лемнос была взята русскими, но русский флот забрал свой десант на корабли, ничуть не тревожимый высадившимися на острове турками, вышел в море и под начальством Спиридова принял участие в блокировании Дарданелл.

Екатерина, так же как и Алексей Орлов и Спиридов, твердо решила оставить флот в Архипелаге хотя бы на целые годы, пока не будет заключен мир с Турцией. Она знала, что уже нельзя ждать новых блистательных побед вроде Чесмы по той простой причине, что турецкие лучшие суда уже покоятся на дне морском, а новых турки не успели выстроить. Но хотя бы ничего внешне эффектного («ничего казистого», как выражается императрица) русский флот в Архипелаге уже не предпринимал, в целях диверсии он был крайне полезен. «Флот наш разделяет неприятельские силы и знатно уменьшает их главную армию, — писала 18 декабря 1772 г. Екатерина графу Орлову. — Порты, так сказать, принуждена, не зная куда намерение наше

¹ Finlay. History of Greece, vol. V. London, 1877, p. 253—274.

² Сборник Русского исторического общества, т. I. СПб., 1867, стр. 66.

клонится, усыпать военными людьми все свои приморские места, как в Азии, так и в Европе находящиеся, теряет все выгоды от Архипелага и от своей торговли прежде получаемые, принуждена остальные свои морские силы разделить между Дарданеллами и Черным морем и следовательно препятствие причиняется ей действовать как на Черном море, так и на самых Крымских берегах с надежностью, не упоминая и о том, что многие турецкие города, да и сам Царь град не без трепета видит флот наш в таком близком от них расстоянии»¹. И еще после этого русский флот оставался в Архипелаге больше двух лет.

11

В Англии озаботились прежде всего получением обстоятельных и более или менее точных данных о победоносных действиях русского флота.

Лорды адмиралтейства с большим вниманием следили за длительным путешествием русских эскадр из Петербурга в Морею. Только к началу сентября они получили обстоятельные сведения об изумившей всю Европу и прогремевшей еще летом русской морской победе под Чесмой. Многое им было доложено с места действия их осведомителем, собравшим всю нужную информацию тотчас после боя. Эта информация относилась не только к Чесме, но и ко всей весенней и летней кампании 1770 г.

Если бы Екатерина, ликовавшая при получении реляции о великой чесменской победе, могла знать кое-какие детали, доложенные лордам адмиралтейства их агентом, то ее радость еще более усилилась. Оказывается, что последствия Чесмы немедленно и наиболее катастрофически сказались именно на французах и на их обширнейшей торговле в турецких владениях.

Английский осведомитель доносил: «Торговля совершенно приостановилась (is entirely at a stop) на Леванте, французы очень сильно пострадали, турки сильно

¹ Рескрипт императрицы Екатерины II, данный на имя графа Алексея Григорьевича Орлова, 18 декабря 1772 года. Сборник Русского исторического общества, т. I. СПб., 1867, стр. 89.

разъярены против них за то, что французы втравили их в эту войну. Турки их грабят и крайне дурно с ними обходятся: на Мистре и в Морее у французов была очень выгодная торговля, но теперь она разорена, ни одного французского корабля не видно теперь на Леванте»¹.

Англичанин, злорадствуя по этому поводу, не забывает беспристрастно прибавить: «Турки также очень разъярены и против англичан, полагая, что не только французы являются причиной русского появления в турецких морях, но что большинство офицеров и солдат на борту русских судов — англичане. Эти сведения, как я слышал, усердно распространяются французами»².

Лорды адмиралтейства и с ними британский кабинет могли усмотреть в Чесменском событии две стороны: отрицательную и положительную. Плохо было то, что Екатерине так невероятно блестяще удалось это головоломнейшее предприятие — перебросить из Балтийского моря в Архипелаг большой флот и уничтожить до тла весь прекрасно вооруженный и крупный количественно флот турецкой империи. Нехорошо было и то, что появление Орлова сопровождалось восстаниями в Морее и других местах, населенных христианскими подданными Порты. Но зато очень хорошо было то, что Орлову и Спиридову удалось под Чесмой одним ударом совершить в высшей степени важное для англичан дело (хотя они, конечно, меньше всего об английских интересах думали, сжигая весь флот капитан-паши). Русские разорили французскую торговлю, создали почву уже не только для антигреческих, но и для антифранцузских погромов, поссорили турок с французами и облегчили англичанам их дальнейшую неустанную политическую и экономическую борьбу с ненавистными французскими конкурентами на всем Леванте. Что турки на первых порах были раздражены и против англичан — это полбеда. Англичане знали, что они несравненно менее скомпрометированы перед турками,

¹ Сборник Русского исторического общества, т. XIX. СПб., 1876, стр. 81.

² Там же.

чем французы, в этой несчастной для Порты войне и что турецкий Диван это хорошо знает. Такие последствия Чесменской победы ничуть не подрывались опасениями, что русские победители заменят собой французов: русские не были для Англии, переживавшей блистательный промышленный переворот, сколько-нибудь серьезными соперниками на торговом поприще. Особенно это относилось именно к Морее, к Малой Азии, к морям, омывающим южные владения Турции, где и действовал Орлов со своей эскадрой. Если бы Орлов угрожал Константинополю, если бы речь шла о непосредственном уничтожении Турции как самостоятельного государства, — тогда, конечно, положение изменилось бы. Но этого еще не было и в помине, и, таким образом, для Англии указанные положительные и отрицательные стороны Чесменской победы более или менее уравновешивались. Английский посол лорд Кэткорт даже с некоторым сочувствием писал 3 (14) сентября 1770 г. из Петербурга своему начальнику, статс-секретарю иностранных дел графу Рочфорду, донося ему о настроениях при русском дворе: «Храбрость, образ действий, решительность, обнаруженные русским адмиралом и его офицерами и моряками в таком новом для них случае, очень усиливают чувство удовольствия, которое императрица испытывает по поводу полного успеха всех частей этой операции».

В этой несколько неуклюжей, но многозначительной английской фразе (*the complete success of every part of the operation*) лорд Кэткорт явно хочет выразить мысль, что русская победа не только в том, что весь турецкий флот пущен ко дну, но и в том, как русским удалось создать, вооружить и отправить в очень далекое, опасное плаванье большой военный флот, подготовить дееспособных командиров, моряков, артиллеристов и, наконец, возжечь пожар восстания на юге Балканского полуострова.

Уже очень скоро после получения лордами адмиралтейства в Лондоне известий о Чесме британский кабинет обратился непосредственно через лорда Кэткарта к Екатерине с предложением заключить союз между Россией и Англией. Кэткорт, зная, что граф Панин

больше официальная, показная фигура, а совещается Екатерина вовсе не с ним, но с Григорием Орловым, передал официально Панину это предложение, а на другой же день сделал визит Григорию Орлову. И Панин и, что было для Кэткарта как симптом еще важнее, Григорий Орлов отнеслись к английскому проекту очень хорошо. Императрица также была довольна. Об этом также очень скоро узнал посол.

Предложение было передано 14 (25) сентября 1770 г., но до заключения союза дело не дошло. Англия в этот момент изо всех сил боролась против всех французских начинаний и в Турции и в Польше и против «французских интриг», направленных к скорейшему заключению мира между Турцией и Россией. Англичане боялись, что успех французов в этом деле отдаст надолго Турцию в их руки.

Очень кстати для России турок постигла некоторая дипломатическая неудача. Управлявший двенадцать лет подряд внешней политикой Франции герцог Шуазель, неглупый человек, но довольно посредственный дипломат, причинивший много вреда Франции именно своей озлобленно-враждебной, и главное, неискусной политикой относительно России, — в декабре 1770 г. был внезапно уволен в отставку и сослан в свое поместье. Держался он больше всего милостями любовницы короля Людовика XV маркизы Помпадур, а прогнали его совершенно экспромтом вследствие того, что он впал в немилость у новой любовницы Людовика г-жи Дюбарри.

Хоть отставка Шуазеля несколько не знаменовала провала его дипломатических принципов и установок, все же некоторые последствия она имела. Шуазель вел себя враждебно и нагло вызывающе относительно России. Он гордился тем, что провоцировал турок на объявление войны России в 1768 г., но предупредить Чесму оказался не в состоянии. Теперь сменивший его на посту министра иностранных дел герцог д'Эгильон подавно мало мог бы сделать для турок, если бы даже хотел того. А он не особенно и хотел. Он долго осматривался, разбирался в делах, причем был очень затруднен сам непрочностью своего положения.

Турки и польские конфедераты остались на ближайшее время без французской поддержки. Временно французская дипломатия как бы выбыла из строя и в Польше и на турецком Леванте. Русский флот в Архипелаге мог более спокойно и уверенно поддерживать блокаду Дарданелл, утверждать русское владычество на 18 островах Архипелага и захватывать торговые суда, пытавшиеся пробираться из Средиземного моря в Эгейское.

12

Справедливость требует заметить, что между жителями островов Архипелага, занятых русскими моряками и солдатами, и русской властью установились и прочно держались вполне удовлетворительные и даже дружелюбные отношения. Русские в общем не только не обижали греческое (да и турецкое) мирное население, но, напротив, считали своим долгом кормить этих хронически голодавших островных «мужиков», и еще в половине XIX столетия местные предания хорошо поминали русскую оккупацию. В виде характерной иллюстрации может быть приведена интересная рукопись, найденная мной в неисчерпаемой сокровищнице нашего Ленинградского военно-морского архива. Это — письмо графа Войновича адмиралу Спиридову, его прямому и непосредственному начальнику. Войнович оставался временным заместителем Спиридова, отбывшего с островов в отпуск для лечения. Письмо (точнее служебный доклад) относится к зимнему, хронически голодному из-за войны времени для многих из этих островов, которым даже и летом приходилось тогда не очень легко вследствие полной оторванности от внешнего мира.

Вследствие необычайной скудости каких бы то ни было данных подобного рода считаю уместным привести полностью этот драгоценный документ, который так характерен для русского ведения войны, для русского отношения к бедствиям мирного населения на оккупированной вражеской территории:

«Ваше высокопревосходительство милостивый государь Григорий Андреевич! Жители архипелагских ост-

ровов как они покорены под оружие Ея императорского величества и по приказу его графского сиятельства Алексея Григорьевича Орлова и Вашего высокопревосходительства теперь управляемы мною, то по недостатку у них в хлебе, ежедневно просят меня, чтобы исходатайствовать от Вашего высокопревосходительства споможения им пшеницею и ячменем; дабы не умерли от голоду, понеже они по нынешним военным обстоятельствам ничего того, что за их потребно доставать не могут, а то, что они прежде доставали, на привозимых к им баркам от двух островов Идры и Ипсара, кои еще находятся для покупки из неприятельских мест свободны, а ныне и то все или большая часть оного привозится для нашего флота; почему они говорят, как они наши то надобно нам стараться об них так как сами о себе. Здравой разум и естественной закон во всем сходствует с их словами, и я с ними согласен для двух резонов, первое что я определен для управления над ими, второе для удаления от какого-нибудь злочючения. Потому что ежели мужики какого острова претерпевать будут голод, то принуждены будут разграблять собственную нашу пшеницу, а я уже уведомлен через письмо епископа острова Сифно, что мужики в оном острове готовы оное сделать, а смотря на сих и в прочих островах могут поступить таким же образом, и через сии худые обстоятельства, которые могут произвести такое их предприятие сделают они нам недостаток в хлебе, а себе великое разорение, и все то что последует впредь уверяет нас, что мы не избежим от сего, но еще подвергнем себя и другому чему. По причине той (как мне от некоторых островских приматов сказано), что от них требовано было письменно дабы покорились они в подданство Ея императорского величества нашей всемилоливейшей государыни вооружая себя против общего неприятеля когда к тому будет нужда и учинить присягу, чтоб с ним никаких коммуникаций, ни публичных, ни приватных не иметь как словесно так и письменно, а от этого они или лучше сказать мы будем иметь недостаток во всякой провизии, а после может случиться и то, чтоб от здешних мест отойти, а их большая часть от голоду, а другие от турецких саблей погибнут. Потому

что ежели сие будет известно в турецких землях, то в то время турки без всякого сомнения из своих мест с острова Идра и Ипсара отпускать пшеницу запретят.

И так ежели сии два острова другим островам и нам спомоществовать пшеницею не будут, то мы как выше сказано пшеницею и другими надобностями можем быть недостаточны, а голод понудит мужиков и самую траву есть. Сверх всего сего еще как многие островские жители имеют большую часть своего капитала в руках турецких, которой они надеются получить а после исполнения подданства должны оное потерять. Также родственники их и земляки кои для купечества, а некоторые для взятия своих долгов, а другие для своей работы находятся в Константинополе и в Смирне в рассуждении сего будут подвергнуты великой опасности дабы не погибли от турецких саблей. Я в рассуждении островских нужд и службы к интересам Ея величества тронут к сохранению всех народов обретающихся в здешних островах о всем том, что может с ими случиться, по моей должности покорно представить к Вашему высокопревосходительству с изъяснением сие мое малое мнение ежели оное мне дозволяется, чтоб сию публикацию оставить до другого времени для лучшей пользы обеих сторон и чтоб не было от нас им запрещено обходиться с неприятелем, обманывая его, так как они знают для сохранения их самих, а для нас довольно и того, чтоб они были к нам с искренним сердцем как наши верноподданные чего я от них и надеюсь, а теперь можем получить от тех островов равным образом все то, что и после приведения в подданство наделись получить да еще и больше, для того что никакого недостатка иметь не будем, а ежели оная публикация объявится, то все конечно одного не минуем.

Я уповаю, что вашему высокопревосходительству сие мое малое предложение не будет противно и причтете мне ревность в службе как в интересах Ея величества, так и ко всему обществу. В прочем препоручаю себя в милостивое Вашего высокопревосходительства содержание с глубочайшим почтением и покорностью есмь во всю мою жизнь.

Вашего высокопревосходительства покорнейший слу-

та Граф Иван Войнович. Генваря 16 дня 1771 году»¹.

Прибавим к этому, что у нас есть также ряд свидетельств о самом гуманном поведении русских относительно военнопленных. Все иностранные консулы, бывшие в Смирне в дни антихристианского погрома в городе (после Чесменского боя), в коллективном послании благодарили графа Орлова за его великодушное решение относительно турецких пленников, которых, как правило, он всегда выпускал на свободу. «Великодушие, с каким ваше сиятельство поступили с великим числом турецких пленников, находящихся в вашей власти, возвратя им столь щедро их свободу, привлекло как с нашей стороны, так и от неприятеля удивление и почитание». Так писали иностранные консулы, которые именно благородному поведению русских относительно пленных приписывали старание турецких властей в Смирне поскорее прекратить всеми мерами погром христиан в городе².

Как увидим дальше, благородное отношение к пленным туркам со стороны русских признают и турецкие источники.

13

Что известный риск для России в отправлении трех эскадр так далеко действительно был, — в этом мало кто сомневался в Европе. Двадцатидвухлетний датский король Христиан VII, двадцатипятилетний шведский король Густав III не только своей молодостью и предприимчивостью внушали кое-кому опасения. Аббат Галиани, друг энциклопедистов и корреспондент графа И. И. Шувалова, писал ему 1 октября 1771 г. из Неаполя серьезное по сути, хоть и шутовское по форме письмо, укоряя русский флот в неисполнении его (аббата Галиани) желаний:

«Я хотел отозвать большую часть кораблей, пред-

¹ ЦГАВМФ. Фонд адмирала Спиридова, дело 2, 1770 г., листы 11—12.

² Перевод с письма, писанного вообще от всех европейских консулов, пребывающих в Смирне, от 21 июля, поданного депутатами консулов 25 июля (5 августа) 1770 года. Журнал капитана Хметевского, «Современник», т. XLIX, 1855, стр. 60.

почитая, чтобы они вернулись в Балтийское море до морозов; в архипелаге я оставил бы два корабля, четыре фрегата и несколько мелких судов. Тратиться на них мне бы не пришлось, так как они жили бы контрибуциями и захватом неприятельских судов, а в то же время они блокировали бы и беспокоили бы с этой стороны всю Оттоманскую империю. Я очень значительно сократил бы, таким образом, издержки, а к следующему году у меня в Балтийском море был бы почтенных размеров флот, и до намерений шведов и датчан мне было бы мало дела. Дивлюсь я тому спокойствию, с каким Россия относится к этим двум молодым королям. Вы скажете, что, несмотря на отбытие трех флотов и неоднократные пожары, Кронштадт все же в силах спустить на воду еще целый флот. Может быть и так. Но я по собственному опыту знаю, что не следует выпизать бутылку до дна!»¹

Галиани симпатизировал Екатерине, восторгался ею и был ослеплен ее успехами. Но беспокойство его было напрасно. Екатерина, послав в 1770 г. три эскадры (Спиридова, Эльфинстона и Арфа), имела средства в 1772 г. послать еще и четвертую (Чичагова-Коняева), а в 1773 г. — даже и пятую (адмирала Грейга). Однако «молодые короли» все-таки не считали Петербург, Кронштадт, Ревель беззащитными и не выступили.

Русская императрица знала, что Дания смотрит на Россию, как на защиту от Швеции, а Густав III никогда в точности не знал, кто еще больший ему враг — Дания или Россия. Время для нападения на Россию еще не пришло для Густава III. А для Христиана VII оно и вовсе никогда не наступило.

Только в 1772 г. турки осмелели настолько, что проявили поползновение удалить из Архипелага русский флот, «шаривший» берега Сирии, входивший в сношения с восставшими против Порты друзьями, перехватывавший купеческие суда, пробиравшиеся в Константинополь.

Но, к счастью, русский флот, как сейчас увидим, получил во-время большую подмогу.

¹ «Литературное наследство», т. 29—30. М., 1937, стр. 283.

8 мая 1772 г. из Ревеля вышла для подкрепления русских сил в Архипелаге новая эскадра под начальством контр-адмирала Чичагова. 16 июля она прибыла в Порт-Магон на о. Минорке, где оставалась до 9 августа. Эта задержка была вызвана исправлением поврежденных снастей и «умножившимся числом больных».

15 августа эскадра прибыла в Ливорно, откуда Чичагов отправился обратно в Петербург, сдав командование эскадрой капитану 1 ранга Коняеву.

26 августа эскадра Коняева в составе трех кораблей, окрещенных уже после Чесмы — «Победа», «Граф Орлов» и «Чесма», вышла из Ливорно в Архипелаг. Под начальством Коняева был поставлен еще небольшой отряд судов, где начальствовал граф Войнович.

Коняев крейсировал со своими судами между Кандией (Критом) и берегом Люфет, недалеко от острова Цериго, когда неожиданно ему пришлось выдержать опаснейшее испытание.

Ведь кроме лучшей и наиболее могущественной турецкой линейной эскадры, истребленной без остатка в Чесменской бухте, у Оттоманской Порты оставались еще корабли (преимущественно фрегаты и шебеки) в Адриатическом море, в Мраморном море, в Босфоре, у берегов вассального Туниса.

Дело в том, что перед самым концом осужденных уже давно на неудачу мирных переговоров, происходивших в Бухаресте, турецкое правительство вознамерилось, соединив почти все имевшиеся в его распоряжении эскадры, внезапно ударить по русскому флоту в Архипелаге и истребить его. Удобнее всего было это сделать, обманув Орлова ложными известиями о будто бы продолжающихся мирных переговорах.

Капитан-паша и попробовал это сделать, но не ему было тягаться в зоркости, хитрости, проницательности и энергии с Алексеем Григорьевичем. Орлов на своем веку и не таких противников выдывал, и не наивному восточному лукавцу и примитивному обманщику было провести графа, никогда ни одному турецкому слову

не верившего, даже и тогда, когда турки говорили сущую правду.

Удвоив наблюдение, Орлов вполне точно узнал, что ласковый и миролюбивый капитан-паша усердно собирает в один кулак: 1) дульциниотскую эскадру, состоявшую из 47 фрегатов и шебек с артиллерией от 16 до 30 пушек, с транспортами, «на которых сидит до 8000 солдат», причем эта эскадра, выйдя из албанского порта Дульчинье (сербское Ульчин) на Адриатике, должна была еще взять в Морейских приморских крепостях Модоне, Короне и Наполи-ди-Романья до 4000 албанцев, 2) тунисскую («барбарейскую») эскадру из шести военных 30-пушечных фрегатов и шести шебек с 3000 солдат; 3) весь флот, стоящий в Мраморном море и Босфоре, в состав которого входила особая «алжирская» эскадра (число судов не уточнено). Все эти силы должны были нагрянуть «нечаянным нападением» на русский флот и сжечь его.

«Такие коварныя с неприятельской стороны предприятия, производимыя уже в действо, принудили меня принять оборонительное оружие, захватить нужные посты и проходы и отправить в разные места эскадры, а особливо против дульциниотов, морских разбойников, дабы не допустить оных до соединения с тунисцами», — доносил Орлов Екатерине 7 ноября 1772 г.¹ Когда он это писал, он не знал еще о блестящем подвиге Коняева и его команды, уже совершившемся.

Получив тревожные известия от Орлова, капитан 1 ранга Коняев немедленно проявил замечательную инициативу и энергию. Узнав, что турецкий флот (10 — 30-пушечных фрегатов и 16 шебек) стоит у Патраса и поджидает из Корфу еще 12 судов с десантом, он принял отважное решение — немедленно атаковать противника. 25 октября в час дня, подходя к цели, Коняев увидел турецкий флот. Но погода не позволила немедленно начать атаку, и она отложена была до следующего утра. Турецкий флот обладал подавляющим превосходством в силах, но с первого же дня боев у

¹ Материалы для истории русского флота, ч. XII. СПб., 1888, стр. 27—28.

Патраса, т. е. с 26 октября, обнаружилось, что небольшая русская эскадра и управляется несравненно искуснее и сражается гораздо храбрее. Русские «отсекли» от турецкого флота 2 шебеки и фрегат и жестоко их обстреляли своей артиллерией, причем одна шебека была уничтожена, фрегат и другая шебека выбросились на берег. На второй день (27 октября) неприятель был усмотрен у самого берега под защитой береговых батарей. Сосчитаны были 8 фрегатов и 14 шебек.

«В 11 часу утра (русские корабли. — *Е. Т.*) приблизились к неприятелю. В 1 часу дня с неприятельских судов и с крепости открыли по эскадре жестокий огонь, но ядра не долетали. Во 2 часу дня фрегат св. Николай и шебека Забияка вступили с неприятелем в бой, а за ними и прочие суда эскадры, кроме поляки Ауза, упавшей далеко под ветер. Суда эскадры проходили параллельно неприятелю, и громили его залпами. В 6 часов, за наступившей темнотой, бой прекратился»¹.

На следующий день 28 октября 1772 г. Коняев собрал военный совет. Было решено, несмотря на жестокую пальбу береговых батарей и всего неприятельского флота, идти на сближение и завязать генеральный бой, «надеясь на помощь всевышнего бога», как многозначительно добавлял в своей сухой краткой (служебной) реляции капитан 1 ранга Коняев.

В момент подхода к Патрасу в распоряжении Коняева были 2 корабля («Граф Орлов» — 64 пушки, «Чесма» — 74 пушки)², 2 фрегата («Св. Николай» — 26 пушек и «Слава» — 16 пушек), 2 «поляки» (по 12 пушек) и одна шебека («Забияка» — 18 пушек). Но у неприятеля было 8 фрегатов (по 30 пушек) и 14 шебек (по 30 и по 20 пушек). Русская атака при таких условиях являлась делом не только рискованным, но прямо опасным.

¹ Материалы для истории русского флота, ч. XII. СПб., 1888, стр. 53.

² Третий корабль из эскадры Коняева «Победа» из-за течи 30 августа был отправлен в порт Ферраро. 29 сентября этот корабль по исправлении повреждений присоединился к главным силам русского флота.

В сражении с русской стороны участвовали корабли «Граф Орлов» и «Чесма», фрегаты «Св. Николай» и «Слава», шебека «Забияка» и поляки «Модон», «Ауза». А с турецкой стороны участвовали в общей сложности 22 судна, из которых 6 было уничтожено, а остальные спаслись бегством под защитой береговых батарей.

В дополнение к сказанному приведем записи шканечного журнала корабля «Граф Орлов», начиная с момента приготовления к бою коняевской эскадры против турок, т. е. с половины восьмого утра 28 октября. Вот кое-что из того, что записывал час за часом штурман Савва Мокеев, ведший в этот день шканечный журнал:

«В начале 10 часа с обеих крепостей и с неприятельского флота начали производить по нас пальбу, но мы несмотря на страсть оной, надеясь на свое мужество и на помощь всевышнего бога чем себя охотно побуждали дать баталию и мы с эскадрою усиливали притти к неприятелю в ближнее расстояние дабы наши пушки удобнее их вредить могли.

11 часов. В исходе 11 часа и выстрелом от нас из пушки сигналом велено лечь на якорь и вступить в бой с неприятелем, вся эскадра лавировалась и поворачивали каждой особо как им было способно стараясь только о том чтоб притти на ближнее расстояние к неприятелю, глубина по лоту 35—30—25 сажень, грунт ил.

12 часов. В $\frac{1}{2}$ 12 часа приближившись мы к неприятельскому флоту от ближнего к нам неприятельского фрегата 2 кабельтова более не было хотя Чесме и определено стать к крепости первой но присмэтря наш командующий что на оной сделалось помешательство в управлении также и в парусах и начала спускаться под ветер и надежды не предвидел от нея сделать успеха но на месте оной приказано от командующего заступить самим и на глубине 20 сажень ил грунт убрав паруса положили якорь... и начата от нас по неприятельскому флоту лежащих (sic) к крепости и в крепость куда только было удобно действовать сильно жестокая пальба с левого борта с обеих деков ядрами кнпелями и картечью брандскугилями, а с Чесмы и фрегата Николая также сильно, а фрегат Слава и шебека Забияка, находясь под ветром под парусами ближе к эскадре имели баталию с неприятелем.

лем куда их было можно с таким же успехом, что лучше ото всех желать не можно, а Мадон и Ауза будучи тогда вдали от нас под ветром не имели случая биться, в исходе часа увидели мы от нашей с эскадрой сильной пальбы с неприятельских судов люди бросались в воду и с великой торопливостью, иные съезжали на берег и по ним еще более от нас пальба происходила и сшибли в 6-х стоящего фрегата безань мачту и зажжен от наших брендскугелей... а в неприятельском флоте на многих уже шебеках и фрегатах на ближних к нам спущены флаги и вымпелы в которых мы палили и оных оказались что те неприятельские суда от нашей эскадры побежденные сделались»¹.

Бежавший турецкий флот пробовал укрыться под защитой береговых батарей.

Развязка боя, по существу уже решенного в пользу русских 26 октября, наступила 29 октября. Эскадра Коняева в этот день систематически громила артиллерией и поджигала брендскугелями сбившийся у берега разбитый и совсем уже беспомощный турецкий флот.

К 4 часам дня все было кончено. У русских потерь почти вовсе не было. Приводим детали из шканечного журнала корабля «Граф Орлов» (флагманского) за 29 октября:

«1 час... В 1/2 часа поворотили мы овер-штаг на левый галс и посланы от нас на шлюпках вооруженных с карказами для зажжения неприятельских побежденных нами судов. Констапель Сукин под защищением шабеки Забиака а после лейтенант Макензи и при нем небольшая егерская команда и велено ему Макензи из неприятельских судов стараться привести к эскадре ежели можно, в 1 час поворотили мы овер-штаг на правый галс, тогда по нас с обеих крепостей и со стоящих при южной крепости флагманского турецкого фрегата, из шабек происходила пальба из пушек и от нас противу их столь сильно и скоро что напоследок принудили неприятельские суда бои оставить, потѣм мы пошли к NW для отда-

¹ ЦГАВМФ. Фонд Шканечные журналы. Шканечный журнал корабля «Граф Орлов», № 1114, 1772 г., листы 98—100.

ления от крепостей потому что примечено — имеющимся течением в Лепанский залив нас сильно дрейфует.

2 часа. В начале часа шабека Забияка пришедши близко побежденных неприятельских судов и для очищения берега чтоб шлюпкам безопаснее было зажигать суда, палила на берег и по судам из пушек, сие сделать от командующего нашего приказано было и зажжено видно от Патраса стоящие во 2-х шабек 1 шабек из 4-х и 5-х фрегатов 2, в $\frac{1}{2}$ 2-го часа отдали мы рифы и распустили брамсели, в 2 часа фрегат Слава подходил к неприятельским побежденным судам же и для очищения берега дабы шлюпкам можно безопасно исправить дело палил из пушек и видно было лейтенант Макензи приставал в 7-х ко стоящему от Патраса фрегату и отданы были нашими людьми на оном марсели, потом съехав со оною Макензи и в 9-х к стоящему фрегату им зажжен а в 8-х стоящей шабеке сам загорелся, а в 11-х стоящий фрегат, который еще прежде шел под парусами почитали мы брандером сам загорелся и свалившись в 10-х стоящую шабекой и она от фрегата загорелась-же, тогда-ж с фрегата Николай посланный барказ видно было приставал в 2-х к стоящему фрегату, а отъехав от оною к 3-х стоящей шабеки которая от их загорелась, а в 1-х стоящий фрегат с шабеки Забияки видно посланным барказом зажжен»¹.

В этот (последний) день боя коняевская эскадра, как видим, просто сжигала одно за другим турецкие суда и сожгла все те, которые не успели ускользнуть накануне и ночью.

В общем же 28 и 29 октября русская эскадра сожгла 7 фрегатов и 8 шебек. Один фрегат успел втянуться в Лепантский залив, но был уже так поврежден, что на другой день затонул. 6 шебек успели спастись бегством.

Все русские корабли вполне уцелели. В русских экипажах потери были совсем ничтожны: убит лейтенант Козмин, ранены лейтенант Лопухин и 5 матросов. Все 7 жертв — на корабле «Чесма».

¹ ЦГАВМФ. Фонд Шканечные журналы. Шканечный журнал корабля «Граф Орлов», № 1114, 1772 г., листы 101—102.

Таков был по этим окончательным подсчетам победоносный бой у Патраса 26, 28 и 29 октября 1772 г.¹

15

Угроза русским позициям в Архипелаге с севера, из Патрасского залива, была ликвидирована, и известие об этом событии граф Орлов получил значительно раньше, чем еще одну отрадную новость о том, что и другая турецкая угроза, шедшая с юга, от египетских берегов, ликвидирована русскими кораблями под командованием лейтенанта Алексиано.

Нужно заметить, однако, что лейтенант Алексиано, герой победы на юге, выступил даже еще за несколько дней до Коняева, как только до него дошло предупреждение о готовящейся коварной атаке турок на русский флот.

Зоркость Алексея Орлова и ловкость его осведомителей позволили ему выследить турецкие приготовления не только на севере от Архипелага — в Дульчинье (Дульциньо) на берегу Адриатики, но и на юге, в Александрии и Дамiette («Дамиате»), потому что турки собирались ударить на русский флот одновременно с двух сторон, а пока тщетно пытались «ласкательствами» и обманными вестями о продолжении перемирия и о близком мире усыпить внимание русского главнокомандующего.

Но их надежды оказались тщетными.

Орлов во-время разгадал замыслы турок и, как мы видели, предупредив, с одной стороны, Коняева, который тотчас же и отправился со своей небольшой эскадрой в Лепантский залив, чтобы там напасть на неприятеля, уже стоявшего с «дульциниотскими» и рагузинскими судами и ждавшего новых подкреплений из Дульчинье, с другой стороны, во-время известил о турецких замыслах и лейтенанта Алексиано, крейсировавшего близ о. Кипр.

Оба русских моряка и их экипажи оказались на высоте положения и проявили перед лицом гораздо более сильного неприятеля изумительную, доходящую до отчаянной дерзости отвагу.

Первым выступил Алексиано, в распоряжении кото-

¹ А. Кротков. Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1893, стр. 465.

рого по существу был лишь один фрегат и одна фелука. Узнав, что под стенами крепости Дамиаты (так называли Дамьетту) стоят 2 больших вооруженных судна, «каждое о 20 пушках, с экипажем до 700 человек», и еще несколько более мелких судов, Алексиано немедленно помчался туда.

Предоставим дальше слово Алексею Орлову, который доносил Екатерине о сражении 21 октября 1772 г. под Дамьеттой и о полной победе Алексиано и его матросов следующее. (Это было уже второе, более подробное донесение Екатерине):

«Получа такие известия помянутый лейтенант Алексиано пошел того ж дня... прямо к Дамiate, куда прибыв 21 числа (октября. — *Е. Т.*) по утру нашел неприятеля в таком точно состоянии, как об нем сказано было, но как скоро начал он подходить ближе и поднял на фрегате и фелуке российский флаг, то неприятель, будучи сим потревожен, произвел из судов и крепостных стен пушечную пальбу, однако ж тем не мог защитить одного небольшого своего судна, которым вооруженная фелука легко овладела, а лейтенант Алексиано пользуясь сим смятением решился атаковать неприятеля в порте, почему не взирая на производимый с трех сторон огонь, пошел он прямо в средину двух больших судов, где бросив якорь тотчас вступил в бой, который сперва продолжался с великою с обеих сторон жестокостью и отчаянием чрез 2 часа, а потом, увидя неприятель не малое число убитых и раненых из своего экипажа, а притом разбитие судов и появившуюся течь, начал бросаться в море для спасения жизни и на шлюпках, барказах и в плывь пробираться к берегам, чему и из других судов последовали экипажи, и сим решилось наконец сражение. Лейтенант Алексиано, по потоплении двух разбитых судов и по взятии фелукою нескольких других мелких, удалился от крепостных пушечных выстрелов, стал на якорь на рейде и простоял тамо до другого утра в ожидании прибытия Селима-Бея и других судов из Александрийского порта. 22 числа пред полуднем, увидя в море под турецким флагом идущее прямо к Дамиатскому порту судно и считая что на оном помянутый бей находился, изготовился к новому сражению и как скоро оное подошло ближе к фре-

гату, то Алексиано, подняв российский флаг сделал несколько по нем выстрелов, а сия нечаянность бывшего на судне неприятеля столь сильно устрасила, что он без всякого сопротивления спустил флаг отдался военнопленным и перевезен фелукою на фрегат и другие взятые в порте суда; в числе пленных был помянутый Селим-Бей с тремя главнейшими агами, разными другими офицерами и служителями, коих всех осталось 120 человек турков, на судне ж найдено: магометов штандарт, 7 знамен, 4 серебряныя перья, значащая отличное турецких офицеров достоинство и заслуги, за которые жалует султан сими знаками, булав 4, топорков 3, щитов 3, большие литавры, 2 флага и 8 пушек с множеством разного оружия.

О разбитии и сожжении турецких судов при стенах крепости Дамиата и о взятии Селима-Бея в полон дошедшее до Александрии известие произвело тамо великое смятение, так что городской комендант, опасаясь приближения туда российской эскадры, тотчас приказал разрушить суда и снять все войска для защищения крепости и порта, а сие уже и доставило лейтенанту Алексиано безопасность к свободным при египетских берегах разъездам и к пресечению неприятельской торговли удержанием разных за счет турков провозимых товаров и учинением диверсии и тревоги во всем Египте и Сирии, куда он соединясь с полякою офицера Паламиды и удалился средних чисел ноября месяца для продолжения и при сирийских берегах над неприятелем поисков»¹.

Огромно было значение патрасской победы эскадры Коняева и дамиеттской победы Алексиано. После этого нового разгрома турки уже ни разу вплоть до конца войны не осмелились потревожить русский флот в Архипелаге прямым, сколько-нибудь значительным нападением. А ведь между патрасским боем 28 октября 1772 г. и заключением Кучук-Кайнарджийского победоносного мира 10 июля 1774 г. прошел год и восемь месяцев. У турок, конечно, еще оставались боеспособные суда, потому что Коняев истребил только флот, стоявший у входа в

¹ Материалы для истории русского флота, ч. XII. СПб., 1888, стр. 129—130.

Лепантский залив, но суда, которые этот флот поджидал и с севера, из Дульчинье («дульциниотские»), и с юга — от берберийских берегов (от Туниса), оставались еще в распоряжении Порты. Однако страх, наведенный на Константинополь истреблением фрегатов у Патраса и у Дамьетты в конце октября 1772 г., оказался настолько сильным и длительным, что напоминал до некоторой степени впечатление, произведенное истреблением линейного флота под Чесмой в конце июня 1770 г.

Вскоре стало ясно, что русские останутся владыками занятых ими островов Архипелага ровно столько времени, сколько найдут нужным там оставаться.

Урок, полученный турками, оказался настолько чувствительным, что с начала ноября 1772 г. вплоть до конца войны, т. е. до 10 июля 1774 г., они уже не пробовали тревожить русские корабли.

Мирные переговоры, начатые было в Бухаресте в марте 1773 г., оборвались, не приведя ни к какому результату, и «завистующие нам дворы», т. е. прежде всего Франция — открыто, а Пруссия и Австрия — тайно, ведшие все время подкоп под эти мирные переговоры и подстрекавшие Оттоманскую Порту к продолжению войны, могли быть довольны.

Однако герцог Верженн, так же как его непосредственный предшественник герцог д'Эгильон, не решился на то, на что безусловно готов был решиться павший в 1770 г. Шуазель. Прямой помощи туркам в Архипелаге Франция не оказала.

Следует снова вспомнить, что благожелательные предостережения и опасения Галиани были совершенно напрасными.

Петербургское адмиралтейство оказалось вполне в силах после посылки в Архипелаг четырех эскадр (Спиридова, Эльфинстона, Арфа и Чичагова-Коняева) отправить туда же еще и пятую эскадру. Ее повел теперь уже контр-адмирал Грейг, вызванный в свое время в Петербург и там некоторое время пребывавший.

В эскадре Грейга, вышедшей из Кронштадта 21 октября 1773 г., было 4 линейных корабля (один с 74 орудиями и три — по 66 орудий), 2 фрегата, 6 транс-

портов, нанятых у англичан. Вооруженных чинов на всей эскадре было 2469 чел.

Но этой эскадре, явившейся в Средиземное море к самому концу войны, уже не пришлось принять участие ни в блокаде Дарданелл, для усиления которой она и была отправлена в Архипелаг, ни в других военных действиях, так как в случае продолжения войны Орлов намечал нападение на два наиболее значительных торговых города Оттоманской империи: на Смирну в Сирии и на Салоники. Это уже не состоялось. Тем не менее, приход пятой эскадры в момент Кучук-Кайнарджийских переговоров явился очень полезной демонстрацией полнейшей готовности России продолжать, если понадобится, войну со всей энергией.

Отправляя Грейга с эскадрой в Архипелаг, Екатерина снабдила его инструкцией, в общем сходной с теми указаниями, которые давались командующим первых четырех эскадр. Попрежнему зорко и осторожно держать себя относительно враждебных («Бурбонских») государств — Франции и Испании; попрежнему (и даже более прежнего) твердо верить в помощь Англии.

Однако следует заметить, что уже не все английские дипломаты после Чесмы одинаково искренно проводили «руссофильскую» политику своего кабинета. Английский представитель в Константинополе Мэррей принадлежал к тем, кого русские победы на море уже стали приводить в большое беспокойство. Он начинал бояться за английские позиции на морях Леванта и поэтому тайно поощрял турок к продолжению войны в 1772 г., когда в Константинополе решили было идти на перемирие. Но поведение Мэррея вызвало суровый отпор и окрик со стороны его прямого начальства, министра лорда Рочфорда, который написал ему 24 июля 1772 года: «Его величество и его министры не могли считать иначе, как необычайным непониманием с вашей стороны вашего долга, тот совет, который вы решились подать Порте на основании ваших собственных соображений... Совет, прямо направленный против заключения мира (между Портой и Россией), тогда как постоянным желанием его величества было ускорить насколько

ко возможно заключение этого мира (pacification)». Этого сурового выговора было, конечно, вполне достаточно, Мэррей смирился.

Так, до конца русско-турецкой войны 1768—1774 гг. дипломатическая обстановка в Европе продолжала складываться самым благоприятным для России образом. Десятилетие, следовавшее за окончанием Семилетней войны, т. е. 1763—1773 гг., можно в самом деле назвать «декадой французской протрации», как выражается автор новейшей (и наилучшей) истории дипломатии Соединенных Штатов Сэмюель Бемис¹. А в 1774—1783 гг. Франция была поглощена подготовкой к войне против Англии на стороне восставших северо-американских колоний и затем самой этой войной. Таким образом победоносные русские эскадры успели не только пройти в Архипелаг и властвовать там больше четырех лет, но и вполне благополучно оттуда вернуться. Обе великие морские державы—Франция и Англия—подстерегали, сдерживали, обессиливали друг друга все эти долгие годы, и одна из них поэтому при всем своем желании не могла, а другая и не находила для себя выгодным мешать русским победам.

В 1773 г. русский флот в Архипелаге состоял из 13 линейных кораблей, 18 фрегатов, трех бомбардирских судов, трех пинков и одного пакетбота. В 1774 г. этот флот усилился приходом эскадры Грейга.

Таковы были силы, твердо державшие в рукахладычество на море и на островах Архипелага. Укрепиться на материке не удавалось ни в Сирии, ни на Море, ни на имевшем крепость и большой турецкий гарнизон о. Станкию (или Станко), куда ходила специально выделенная небольшая эскадра капитана Хметевского, высадившая 31 июля и в первые дни августа 1773 г. десант, состоявший в подавляющем большинстве из «албанцев и славонцев»². Десанты приходилось после эфемерных успехов принимать обратно на корабли: слишком мало было налицо русских регулярных сил.

¹ Samuel Flagg Bemis. Diplomatic history of the United States. New York, 1942. p. 15.

² Журнал капитана Хметевского «Современник», т. XLIX, 1885 г., стр. 151—156.

Зато на море русский флот не встречал уже никакого сопротивления.

Русские суда «шарили берега». В 1772 г. Марк Войнович уничтожил под Лагосом 6 турецких судов и взял в плен 3 судна; ходили русские суда и под Бейрут и под Сидон, с успехом помогая восставшим против Порты сирийцам и египтянам.

Бесхитростный и правдивый дневник командира «Трех святителей» С. П. Хметевского говорит нам об очень эффективной блокаде на Архипелаге, установленной русским флотом, взявшим множество торговых судов с товаром, причем суда причислены были к русскому флоту, а товар конфискован. Захватывались и фрегаты, когда те осмеливались показываться.

Орлов обыкновенно отпускал на волю турок, которых брали в плен албанцы, действовавшие в помощь русским. Однажды турецкий паша в «возблагодарение» прислал Орлову лошадь в нарядной упряжи, а адмиралу Спиридову кинжал. Паша при этом спрашивал: приказано ли ему будет по близости жить или удалиться? — и прибавил что он русских «не опасается», а боится албанцев. Дело было на Масконийских островах. Орлов ответил, чтобы паша «жил безопасно» и тоже послал ему подарок. А русский флот запасся там водой¹. Словом, даже в тех местах, где турки были в большом количестве и русские не могли овладеть территорией, турки не противились «мирному» пребыванию русской эскадры у берега.

Вплоть до своего ухода русский флот совершенно самовластно царил в Архипелаге. То, что у турок к концу войны осталось, либо было выстроено или куплено после разгрома у Чесмы в 1770 г. и после русских побед у Патраса и у Дамьетты в 1772 г., пряталось в Мраморном море и в Босфоре, не смея показаться оттуда, хотя блокада поддерживалась русскими в последние год-полтора перед заключением мира при помощи небольших эскадр (значительных сил для этого вовсе и не требовалось).

¹ Журнал капитана Хметевского. «Современник», т. XLIX, 1855 г., стр. 77—78.

Вот общая картина, рисуемая в донесении Орлова, посланном Екатерине 5 марта 1773 г.: «Что ж принадлежит до производимых ныне с стороны Оттоманской Порты вооружений, то она старается во всех местах строгими фирманами набирать сухопутные войска для усиления армий, хотя по дошедшим ко мне известиям народная подлость (простой народ. — *Е. Т.*) и неохотно на то соглашается; во всех приморских, купеческих городах удерживаются насильно матросы и отправляются сухим путем в Константинополь, где ныне находится весь турецкий флот, линейные корабли и мелкие суда для починки тамо, и вооружения нужным снарядом и экипажем. По общему слуху считается ныне 9 линейных кораблей всех, старых и вновь построенных, как в разных портах Черного моря, так и в Константинополе с множеством тартан, шебек, галер и других мелких судов, с коими капитан-паша намерен выйти из канала в Архипелаг, чего однако ж и ожидать не надежно, за недостатком нужного числа матросов. Равномерно ж и остатки дульциниотских судов с поспешностью вооружаются при своих берегах, не показываясь в открытом море.

Для удержания неприятельских покушений эскадра от флота В. И. В. состоящая из 5 линейных кораблей и нескольких фрегатов, под командою контр-адмирала Грейга разъезжает при устье Дарданельского канала, корабли Чесма и Ростислав находятся в Наксийском канале...»¹.

Так турки и оставались закупоренными у Константинополя до конца войны.

Только после окончательной ратификации победоносного Кайнарджийского мирного договора Алексей Орлов выпустил турецкий флот из этого тесного заточения.

В дипломатических кругах - всей Европы русские победы в эту войну на море и на суше, вообще говоря,

¹ Материалы для истории русского флота, ч. XII. СПб., 1888, стр. 132—133.

произвели ошеломляющее впечатление. Недаром, когда турки, наконец, признали себя побежденными и подписали 10 июля 1774 г. мирный договор в Кучук-Кайнарджи, Екатерина с таким веселым любопытством наблюдала физиономии послов, аккредитованных при ее особе: «Я видела в Ораниенбауме весь дипломатический корпус, — писала она своему послу в Варшаве Штакельбергу, — и заметила искреннюю радость в одном английском и датском министре; в австрийском и прусском менее. Ваш друг Браницкий смотрел сентябрем. Гишпаня ужасалась, Франция печальная, безмолвная, ходила одна, сложив руки. Швеция не может ни спать, ни есть. Впрочем мы были скромны в рассуждении их и не сказали им почти ни слова о мире; да и какая нужда говорить об нем? Он сам за себя говорит»¹.

Екатерина знала, какую роль сыграла, в частности, Чесма и вся морская экспедиция в общем счастливом завершении войны, и поспешила о том же приеме дипломатического корпуса написать и Алексею Орлову 28 июля 1774 г.: «Вчерашний день здесь у меня ужинал весь дипломатический корпус, и любо было смотреть какие были рожи на друзей и недрузей (sic): а прямо рады были только датский да английский»².

Немудрено, что Дания и Англия были в тот момент очень довольны: датчане были прямо заинтересованы в предстоящем возвращении русского флота и русских армий ввиду вечной угрозы, испытываемой Данией со стороны Швеции и Пруссии, а британский кабинет был очень доволен полным провалом всех французских усилий и расчетов в Константинополе. Франция могла легко вмешаться в явно назревавшую (и частично уже начавшуюся) войну северо-американских колоний против Англии (что в конце концов, как известно, и произошло), и русское торжество на Леванте неминуемо должно было на некоторое время связать французам руки и отвлечь их внимание от Атлантики к Черно-

¹ Переписка императрицы Екатерины II с разными особами. СПб., 1807, стр. 84.

² Собственноручное письмо императрицы Екатерины II графу Алексею Григорьевичу Орлову, 28 июля 1774 г. Сборник Русского исторического общества, т. I. СПб., 1867, стр. 100.

морью. Австрии и особенно Пруссии радоваться было нечему: чем более крепчала мощь России, тем затруднительнее становилось их положение. Это Фридрих II понимал особенно хорошо. Наконец, нечего и говорить о том, что Франция и связанная с ней Испания ощущали поражение Турции, как свое собственное.

Русский флот не уходил из Архипелага несколько лет, но длительного, прочного военного результата это пребывание русского флота в Архипелаге дать не могло. Русские не располагали там сколько-нибудь серьезными военными силами. Победоносный флот не мог никак заменить отсутствующую армию. Однако пребывание нашего флота в Архипелаге сыграло очень положительную роль в дипломатическом отношении при переговорах, кончившихся Кучук-Кайнарджийским миром.

Русская армия в эти же годы одерживала одну за другой замечательные победы под Ларгой, под Кагулом, под Рябой Могилой. Но и Чесма стояла все время грозной тенью перед турецкими уполномоченными.

Согласно условиям победоносного для России Кучук-Кайнарджийского мира 10(21) июля 1774 г. русские взамен обширных приобретений в других местах и огромных ценнейших для России уступок со стороны Турции вернули Порте Архипелаг и наши суда подтянулись к западу, чтобы через Гибралтар и океан вернуться домой.

В момент своего ухода из Архипелага русский флот состоял из 15 линейных кораблей, 21 фрегата и множества мелких судов. Ему предстоял долгий и трудный путь по Средиземному морю, через Гибралтар, по Атлантическому океану, через Скагеррак, Каттегат, по Балтийскому морю... Он шел с большими задержками, испытывая бури, страдая от аварий, и даже через год после заключения мира прославившие русский морской флот эскадры далеко еще не в полном составе стояли в Ревеле и Кронштадте на рейде.

Но враждебных нападений от испанцев и французов на этот раз, в 1774—1775 гг., - русский флот мог опасаться еще менее, чем в 1769—1770 гг., когда он еще шел завоевывать свои Chesmenские лавры. Что касается Англии, то она была накануне войны со своими восставшими северо-американскими колониями и имела все ос-

нования подозревать Испанию и Францию в самых враждебных намерениях. Позволить последним вступить в борьбу с русским флотом англичане ни в каком случае не желали.

Русский флот вернулся домой, никем не тревожимый.

В заключение приведем подсчеты, сделанные на основании архивных данных Гидрографического департамента, опубликованных в VII томе «Записок» этого департамента А. Соколовым. Подсчеты относятся ко всем пяти годам (1769—1774 гг.), на протяжении которых длилась экспедиция в Архипелаг.

Вот каковы были издержки на это длительное военно-морское предприятие:

«Всего, в течение пяти лет, было *послано* из наших портов в Архипелаг: 20 кораблей, 5 фрегатов, 1 бомбардирское судно и 8 мелких; *куплено*: 11 фрегатов и 2 бомбардирских судна; *взято в приз*: не считая поляк, шебек, галер и т. п., 1 корабль, 10 фрегатов. Из этих судов, *разломано* за ветхостию: 4 корабля (Северный Орел в 1770 году, Ианнуарий, Трех Святителей и Не тронь меня в 1775 году), 6 фрегатов (Надежда Благополучия 1773 г., Зея, Мило и Андро 1772 г., Миконо и Делос 1773 г.), 1 бомбардирское судно (Гром) и 2 мелких (пинки Св. Павел 1772 г. и Соломбала 1773 г.); *погибло*: 4 корабля (Евстафий в 1770 г. разбился, Родос — пленный — в 1770 г. сожжен, Азия в 1773 г. без вести пропал)¹, 2 фрегата (Федор и Санторин, 1771 г.) и 3 мелких судна (пинк Лапоминк, судно Чичагов, пакетбот Летучий). Затем, возвратилось к своим портам: 13 кораблей, 16 фрегатов, 2 бомбардирских судна и 3 мелких. — Всех команд, в эти 5 лет, было отправлено (по счету Коллегии) 12.200 человек; не возвратилось 4.516. О суммах, употребленных на содержание флота, сведения наши не полны: снаряжение первых трех эскадр (1769—1771 г.) обошлось в 1.576.749 рубл., содержание четырех эскадр, в 1772—73 гг. обходилось в 508.725 рубл., содержание пяти эскадр, в 1775 г. стоило

¹ Здесь не указан четвертый погибший в 1770 г. — «Свято-слав». — Е. Т.

565.142 рубля, следовательно, во все шесть лет, издержано на снаряжение и содержание эскадр — 3.149.341 руб.; вновь, сверх штата, для настоящей войны собственно построенные суда, стоили 1.285.598; всего 4.434.939 руб. Но сюда не вошли суммы, ассигнованные непосредственно из Государственного Казначейства: Графу Орлову, при самом начале кампании, на чрезвычайные расходы 300.000 рубл., Адмиралу Спиридову 480.000, Эльфинстону и Арфу по 200.000; суммы, посылавшиеся графу Орлову в последствии; подати, собираемые с островских жителей; призовые части, поступающие в казну и проч. и проч.»¹. Пояснение к этим подсчетам гласит, что тут 2 р. 60 коп. принимаются равными одному червонцу.

17

Чесма и вся экспедиция в Архипелаг — плод блестящих боевых качеств русского флота и оперативности русской дипломатии.

Русские эскадры вошли в Средиземное море, обогнув все побережье западной Европы. Они шли туда под прямой угрозой нападения со стороны французского флота, который был в несколько раз сильнее русских эскадр. Русские эскадры не имели собственных морских баз, никакой точки опоры. Они действовали в полной изоляции от родины и лицом к лицу с флотом Тулона, где лихорадочно готовились военные корабли, предназначенные Шуазелем для того, чтобы напасть и пустить на дно русские эскадры. Но русские самым спокойным образом останавливаются в Гибралтаре, потом в Порт-Магоне, отдыхают, чинят свои суда после долгого и трудного плавания, идут оттуда, никем не тревожимые, в Архипелаг, истребляют при Чесме турецкий флот, больше четырех лет властвуют на Архипелаге и тем же порядком возвращаются в Балтийское море. Но за это время из Лондона отправляются в Париж неофициальные, однако вразумительные предостережения: на мобилизацию

¹ А. Соколов, Архипелагские кампании. Записки Гидрографического департамента, ч. VII. СПб., 1849, стр. 400—401.

французского флота в Тулоне, если она не прекратится, будет немедленно отвечено мобилизацией английского флота в Портсмуте, Плимуте, Лондоне; на вооруженное нападение французов и союзных с ними испанцев на русские эскадры будет немедленно отвечено нападением английского флота на французов. И французы смирились.

Все это было достигнуто русской дипломатией без малейших жертв, уступок, обещаний в пользу англичан. Екатерина просто правильно учла расстановку сил на дипломатической шахматной доске и сделала нужные ходы. Не могут англичане допустить победы двух бурбонских дворов на Средиземном море, потому что после истребления русских эскадр это море и огромная левантийская на нем торговля окажутся в прочном владении Франции, Испании и турок — союзников Франции. И не может Шуазель пойти на безумный риск полной гибели французского средиземного флота от руки англичан из-за одного только дела спасения турецкого флота в Архипелаге.

Все это было, вопреки советам и предостережениям, шедшим из Европы, обдуманно, обсуждено и осуществлено обоими Орловыми — Алексеем и Григорием, русской морской коллегией и решено окончательно «Петербургским кабинетом», который по словам князя де-Линя, помещался в пространстве от лба до затылка Екатерины Алексеевны. Все эти расчеты блестяще оправдались. Русская дипломатия расчистила и облегчила путь адмиралам и доблестным балтийским морякам, и русский флот при Чесме получил возможность вписать одну из самых ярких страниц в летописи русской славы. Сказочный русский морской поход, который, по предсказаниям чуть ли не всей Европы, мог кончиться страшной катастрофой, завершился блистательной победой.

Екатерина отдавала себе полный отчет в громадном впечатлении, произведенном победоносными действиями русских эскадр в этих далеких южно-европейских водах. И когда ей доложили, что вице-адмирал Елманов благополучно привел в Кронштадт последние корабли из Архипелага, она с полным основанием могла в 1775 г. заявить президенту Адмиралтейств-коллегии графу Ива-

ну Чернышеву: «посылку флота своего в Архипелаг, преславное его тамо бытие и счастливое возвращение в свои порты за наиблагополучнейшее происшествие государственования своего почитать изволит»¹.

Награды щедро посыпались на участников экспедиции. Алексей Орлов получил наименование Чесменского и Георгия 1-й степени. Орденами, отличиями и большими денежными наградами были почтены Спиридов, который получил звезду Андрея Первозванного, Грейг, получивший Георгия 2-й степени. Награждены были командир «Европы» Клокачев, командир «Евстафия» Круз, командир «Трех святителей» Хметевский, командир «Ростислава» Лупандин, командир «Не тронь меня» Бешенцов, молодые герои брандеров Ильин, Мекензи, Дугдаль, герой Патрасского боя Коняев, герой Дамитты Алексиано. Что касается отличившихся матросов, то они не получили тех наград, которых были так достойны за свою храбрость, выносливость, стойкость. По крайней мере источники об этом не распространяются.

Блеск русской славы сиял над Чесмой, над Ларгой, над Кагулом. Зависть, недоумение, порой невольное восхищение и прежде всего беспокойство, овладевшее многими европейскими кабинетами впервые после Чесмы, сказывались в правящих кругах Европы все более и более.

Фридрих II, например, был прямо удручен русскими успехами и на море и на суше. Ему ли, у которого русские отняли Пруссию и который еле унес от них ноги с Кунерсдорфского кровавого поля, где легла вся прусская армия, ему ли, так угодливо и так бесстыдно льстившему всю жизнь Екатерине, было не бояться новых, неслыханных русских побед, ему ли было не завидовать кучук-кайнарджийским достижениям России, дававшим ей Черноморье, сулившим ей в ближайшем будущем Крым, Кавказ?

Фридрих был готов даже примириться с главным тогдашним недругом Пруссии австрийским императором

¹ Материалы для истории русского флота, ч. XII. СПб., 1888, стр. 299.

(которого он ненавидел и который платил ему полной взаимностью) и стал делать попытки войти с ним в дружбу, лишь бы настроить его против России: «Со временем ни вы, ни я, мы не сможем сдерживать этих людей (русских. — *Е. Т.*), но для этого понадобится вся Европа, турки перед ними — ничто», — сказал прусский король Иосифу II, встретившись с ним на берегах реки Нейссе в городе Нейссе.

Прусский король, хваставший своим даром исторического предвидения, не предугадал только, что и «всей Европы» может не хватить, чтобы «сдерживать этих людей», и что при войне против России, затеянной в XX веке его подражателями, окажется невозможным урвать что-нибудь у русского народа, но зато легко будет потерять хотя бы, например, город Нейссе и вот эту самую реку Нейссе, на берегах которой Фридрих II подстрекал австрийского императора против русских.

Герои Чесмы и Архипелага как бы проложили путь в Средиземное море Ушакову и Сенявину. Спиридов, Грейг, Ильин, моряки «Евстафия», «Трех святителей», «Европы», «Трех иерархов», Коняев и матросы коняевской эскадры, лейтенант Алексиано и его маленькая команда не должны быть забыты их потомками, покрывшими в сталинские дни русский флот новой яркой славой.

Воспетый Пушкиным «скипер славный», который «придал мощно бег державный корме родного корабля», был Петр, а Спиридовы, Грейги, Ушаковы, Сенявины этот «державный бег» не остановили, и каждое новое поколение с тех пор увеличивало славу русского народа вообще и славу русских моряков в частности. Слава эта росла и множилась, передаваясь от чесменских героев к Ушакову и Сенявину, от Ушакова и Сенявина к Лазареву и Нахимову, от нахимовского Севастополя к Макарову, от Макарова к сталинским балтийцам, черноморцам и североморцам.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ АРХИВЫ

1. Центральный Государственный Архив Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ) — Ленинградские фонды: шканечные журналы; фонд адмирала Спиридова.
2. Архив древних актов. Москва.

II. ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Внешняя политика

Источники

Мартенс Ф. Сборник трактатов и конвенций, т. XIII. СПб., 1902.

Сборник Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел, вып. 2. М., 1881.

Сборник Русского исторического общества, т. XIX. СПб., 1876 (Дипломатическая переписка английских послов при русском дворе).

Сборник Русского исторического общества, т. LXXXVII. СПб., 1893. (Дипломатическая переписка имп. Екатерины II за 1768—1769 гг., ч. V).

Сборник Русского исторического общества, т. XCVII. СПб., 1896. (Дипломатическая переписка имп. Екатерины II за 1763—1771 гг., ч. VI).

Сборник Русского исторического общества, т. CXVIII. СПб., 1904. (Дипломатическая переписка имп. Екатерины II за 1772 и 1773 гг., ч. VII).

Tott, baron de. Mémoires, t. III. Amsterdam, 1784.

Литература

Bemis S. F. Diplomatic history of the United States. New York, 1942.

Bonneville de Marsangy L. Le chevalier de Vergennes, t. I—II. Paris, 1894.

Broglic. Le secret du roi, t. I—II. Paris, 1879.

Doniol H. Politiques d'autrefois: le comte de Vergennes et P. M. Hennin, 1749—1787. Paris, 1898.

Finlay G. A history of Greece, vol V. Oxford, 1877.

Legras G. La disgrâce de Choiseul. Paris, 1903.

Legras G. Le duc et la duchesse de Choiseul. Paris, 1902.

- Pingaud L. Choiseul-Gouffier. Paris, 1887.
Stoker J. William Pitt et la révolution française. Paris, 1935.
Williams E. Tableau historique, politique et moderne de l'empire Ottoman, t. II. Paris, 1808.
Zinkeisen J. W. Geschichte des Osmanischen Reiches, Th. V (1669—1774). Gotha, 1857.

Военные действия

Источники

- Архив кн. Воронцова, кн. XXXIV. М., 1888, стр. 287.
В память Чесменской победы 24—26 июня 1770 г. Сборник документов. Одесса, 1886.
Аббат Галиани [И. И. Шувалову], Неаполь. 1 октября 1771 г. «Лит. Наследство», т. 29—30. М., 1937, стр. 282—283.
Грейг С. К. Собственноручный журнал капитан-командора С. К. Грейга в Чесменский поход. «Морской сборник», 1849, октябрь, стр. 645—660; ноябрь, стр. 715—730; декабрь, стр. 785—827; то же, отд. изд. СПб., 1850.
Действия корабля «Евстафий» в Хиосском проливе под командой капитана фон Круза. «Морской сборник», 1855, № 6, стр. 229.
Список подлинных приказов гр. А. Г. Орлова-Чесменского по флоту, действовавшему в 1770 г. в Архипелаге и истребившему турецкий флот при Хиосе и Чесме. «Морской сборник», 1853, № 4, стр. 263—269.
Документы о Чесменской битве. «Морской сборник», 1853, № 7, стр. 474—483.
Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова, в кн.: Сказания о роде князей Долгоруковых. СПб., 1842; то же (отрывок) — «Морской сборник», 1849, № 12, стр. 819—827; то же — «Русская старина», 1889, т. LXIII, сентябрь, стр. 481—517.
Донесение гр. А. Г. Орлова. «Морской сборник», 1849, № 12, стр. 818—823.
Материалы для истории русского флота, чч. XI—XII. СПб., 1886—1888.
Морское сражение русского флота под начальством гр. А. Орлова с турецким в Хиосском проливе в 1770 г. 24 июня. «Морской сборник», 1855, № 6, стр. 325—329.
О сожжении турецкого флота при Чесме (из историографа Оттоманской империи Ахмеда Вассафа Эффенди). «Труды и летописи общества истории и древностей российских», ч. VII, М., 1837, стр. 114—120.
Общий морской список, ч. II. СПб., 1885.
Панин Н. И. Из бумаг графа Никиты Ивановича Панина. «Русский архив», 1878, кн. III, стр. 426—450.
Переписка императрицы Екатерины II с разными особами. СПб., 1807.
Рассказ Ресми-эфендия, оттоманского министра иностранных дел, о семилетней борьбе Турции с Россией. СПб., 1854.
Реляция о Чесменском сражении. «Отечественные Записки», 1842, т. XXI. Смесь, стр. 69—74.

Сборник Русского исторического общества, т. I. СПб., 1867. (Рескрипты и письма имп. Екатерины II. — Рескрипты и инструкции, имеющие отношение к Архипелагской экспедиции).

Соколов А. Архипелагские кампании. «Записки Гидрографического департамента морского министерства», ч. VII. СПб., 1849, стр. 230—401.

Хметевский С. П. Журнал Степана Петрова, сына Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов М. Азии в 1770—1774 г. «Современник», т. XLIX, 1855, стр. 37—82.

Литература

Андреев В. — Чесменское сражение. «Морской сборник», 1939, № 2, стр. 97—111.

Белавенец П. И. Материалы по истории русского флота. М.—Л., Военмориздат, 1940.

Веселаго Ф. Краткая история русского флота. М.—Л., Военмориздат, 1939.

Глотов А. Я. Чесменский бой. «Отечественные Записки», 1820, № 5, стр. 33—71; № 6, стр. 184—216.

Головачев В. Ф. Чесма. Экспедиция русского флота в Архипелаг и Чесменское сражение. М.—Л., Военмориздат, 1944.

Головизнин К. Очерки из истории русского флота. Эскадра контр-адмирала А. С. Грейга. «Морской сборник», 1882, № 11, стр. 55—79; № 12, стр. 65—86.

Действия русского флота в Архипелаге во время войны с Турцией в 1770—1774 гг. Кронштадт, 1889.

Каллистов Н. Д. Архипелагская экспедиция, в кн.: История русской армии и флота, т. VIII. М. [1912], стр. 65—70.

Кривицын Ф. С. Чесменская победа. М.—Л., Военмориздат, 1944.

Кротков А. Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1893.

Лодыгин М. Лейтенант Дмитрий Ильин, герой Чесменской битвы 1770 г. «Русская старина», 1892, т. LXXIII, февраль, стр. 469—476.

Милюков П. Материалы для истории русского флота. Адмирал Александр Иванович фон Круз. «Морской сборник», 1855, № 6, стр. 227—271.

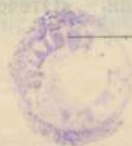
Озаровский Н. Ю. Русский флот на Средиземном море. «Морской сборник», 1944, № 2, стр. 67—83.

Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769—1774 г., ч. II. СПб., 1866, стр. 381—385.

Победа при Чесме и истребление турецкого флота. «Записки ученого комитета морского штаба», ч. II, 1828, стр. 174—198.

Рыкачев Н. Краткое описание Чесменского сражения. Кронштадт, 1870.

Сенин М. и Рабинович М. Чесменское сражение. В кн.: Флот в боях за родину. Л., Военмориздат, 1938, стр. 113—124.

NKE EKK

HNK Kari Könyvtár

84750982

Замеченные опечатки

Стр.	Стро- ка	Напечатано	Должно быть
35	20 св.	Осипа Абрамовича	Ивана Абрамовича
44	28 св.	Осип Ганнибал	Иван Ганнибал

Заклз № 1437

3 р. 50 к.

МОГИЗ
Магазин 14
3 р.

12/81 74 50

9